



# СМЕНА

15

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»





Виталий ТРЕТЬЯКОВ

# НАСТОЯЩЕЕ

Рассказ

Рисунки Н. Подьянова.

Маша Борейко прорвалась в кабинет так стремительно, что вернуть ее было уже невозможно. Любовь Михайловна только ахнула, слишком поздно поняв свою оплошность. В расплывшуюся дверь она видела, как Маша, неуловимая в своих ватных штанах и стеганой теплогривке, прошагала к столу, отпечатывая мокрые следы на ковровой дорожке. И сразу же из кабинета донесся ее громкий голос:

— Доставила, Иван Алексеевич!

Любовь Михайловна знала, что речь идет об артистах, которых шофер Борейко привезла со станции. Артисты в этой глуши — событие. Но разве обязательно докладывать лично Ковальчуку? Вообще, по ее твердому убеждению, с тех пор, как начальник строительства Москалева уехал в отпуск, оставив за себя инженера Ковальчука, а четко налаженной жизни стройки что-то помаломало, Москалев умел при любых обстоятельствах спокойно и властно держать твердую линию, а Ковальчук не то, совсем не то...

Любовь Михайловна ахала погирсону, откинувшись на спинку стула и с наслаждением затыкала.

До конца работы оставалось несколько минут, когда из кабинета вышла Маша и следом за ней показалась Ковальчук. Любовь Михайловна глянула на его усталое, озабоченное лицо и опять вспомнила Москалева, всегда стремительного, подтянутого. Нет, не чета инженер Москалеву...

— Вы что же домой не идете? — спросил Ковальчук.

Она покачала плечами.

— Можете, понаблюдаете что-нибудь.

Вернувшись в кабинет, Ковальчук сгинул глядя, разостал по столу плотные ватманы и вдруг уезмузнул, вспоминая, как Москалев при прощании пошутил: «Ватманы упрячь в шкаф, под суржуную пеначу, чтобы стройку

не заслонили». — И, глянув в лицо, прибавил серьезно: — Главное, не позволить технику себя засосать: руки сжмется. Этот бурлящий энергичный человек, даже уезжая в морской отпуск, рвновал других к своему месту и делу. Грудно после него работать...

В окне было темно. Крутой забайкальский ветер трубил на дворе. И почему-то казалось, что там, за черными окнами, нет ни души, может быть, на тысячу километров, только сонки да ветер...

Надея плащ, Ковальчук вышел на улицу. Моросил дождь. На фоне темного неба едва вырисовывались голые сопки и юпоры рудника. Там, во впадине между сопкой, скрунулись поселок, еще не отмеченный на географической карте. Постав на крыльце, Ковальчук плотнее надвинул фуражку и шагнул по темной улице к клубу, обходя лужи, кучи щебня и битого кирпича.

К началу концерта он опоздал. В первом ряду, в середине, был свободный стул, обычно бронированный для начальника стройки, но Ковальчук примостился в последнем ряду, у прохода. Тотчас же к нему подошел начальник клуба Солодов.

— Проходите апердэ, Иван Алексеевич, для вас место оставлено.

Ковальчук только махнул рукой, и начальник клуба послушно сел рядом на приставной стул.

Что объявил конференсье, Ковальчук не расслышал, но когда на подмостки выбежала хрупкая женщина с альми лентами в руках, он вдруг остолбенел, на поверя своих глазах. Танец с лентами! Он сразу все вспомнил, на мгновение будто снова увидел уютную сцену инстигтского клуба: на фоне черного полотноца кружится Варя Козрова, и ленты в ее руках, словно живые, так свиваются в невесомые кольца, то, разбегаясь зигзагообразно, взлетают альми молниями...

— Кто выступал? — порывисто спросил Солодова Ковальчук.

— Кобранская, кажется.

— Варя?

— Как будто... Знакомая?

Да, это был тот стремительный танец, от которого немела бурная студенческая аудитория. Но Варя ли это? В выверенных, строго рассчитанных па что-то затверженное, тжемолодое, будто исполнительница давно устала от беспрерывного вальсирования.

Когда она раскланывалась, шуря по привлекло глаза, Ковальчук окончательно убедился, что это Варя... Он с силой рванул воротничок: стало вдруг душно, захотелось курить.

Молоденькая певица исполняла романсы. Слова и звуки будто тянули на полутьму, не достигая сознания. Певицу сменил силовой экидбрист, невысокий плотный мужчина — в клеточку свитер и волосы борборком. Он лег на коврик спиной и короткими, толстыми в играх ногами крутил в воздухе синий боночок. Из-за кулис вышла Варя. Не глядя в зал, погирала с толпа широкой обшук и раскрутила, бросила его на ступни экидбриста.

Ковальчук уже не мог отвлечься от мыслей о Варя. Прибегаясь, он вышел из зала. С оглядкой, будто стесняясь кого-то, приблизился к полуотворенной двери, ведущей на сцену. За кулисами топтались артисты. Толстый экидбрист, сидя на тубурете у края стола, ел авериную колбасу, засучив на ней козурю, словно чулок. На столе, с другого края, сидела Варя. Ковальчук сразу заметил, как она постарела и зацвела: у губ и под глазами морщинки, лицо печальное и усталое. Она курила. Это неприятно поразило Ивана Алексеевича. Отпрянув от двери, он пошел назад, в темную фойе. Потом остановился: мальчишество! И, уню ие раздумывая, шагнул к двери, дернул за ручку. Но за кулисами Ва-

рин уми не было. Экономист смаялся со стола слюбяны кричал.

— Могу я видеть Коваленко?

Экономист подыал глаза.

— Я хотел бы видеть Коваленко,— мягко повторил Ковальчук, слушаясь до мысли, что его могут принять за неискреннего зрителя, жующего познаниями с интересной таинственности.

— Артист, смерив Иван Алексеевича недобрый взглядом, спросил:

— А с какой стати?

— И Ковальчук вдруг понял, что артист прав. Действительно, с какой стати? К чему? Повернулся и вышел, но сказал больше ни слова.

На улице было грязно и холодно. Осенний дождь не унимался. Снег, лед, туман, будто быльные звезды, сияли трельные колодные блики. Там, на взорье, строили ТЭЦ.

Ему вспомнилась первая послевоенная осень, когда он, командир саперного взвода, отсоединившись, вернулся на второй курс института.

—...Однажды дождиза бродили они по городу.

— Даже мужик порой,— рассказывала Вера дождило,— бегой на меня стрелял! Силу на лекции, а в голове баляные пираты. Честное слово!

А он баляной молчал, чувствуя в жесткой ладони теплое ве послушную руку.

Ни четагорю, курса, они поговорились. Из обихода Ковальчуку перенес свой челодан в двухкомнатную квартиру, где Вера жила с родителями.

Разве мог он предположить, что все так безжалостно оборачивается?

Разбрызгавшие грязные лужи, пролетела мимо машина и остановилась в десяти шагах.

— Иван Алексеевич!— Маша Борейво выстрелила из кабинки: «К Архипову! Довезу.»

— Она молча зашла в машину. Откуда она знала, что ему надо на ТЭЦ? Машина дунулась. Дождь выбаривал по крыше кабинки, застилал мутными струйками стекла. Ковальчук похотился на парусиновые рукавицы, плотно держащие баранки.

— Давно на машине?

— Годы два.

— А раньше чем занимался?

— Учился. В десятилетке. Город такой, Мелитополь. Момент, бывали! Тут голод, сошки. А еще сны, а вилотосы.

— Наверное, в Мелитополе парень тоскует, жених,— пшутит Ковальчук.

— Она смутлилась.

— Сожжете топе... Мама тоскует.— И добавил, будто оправдываясь: — Бывает же так: захочешь чего-нибудь очень сильно — и жизнь без этого нет, все броноси.

— Бывает,— подтвердил Ковальчук, думая о своем.

Маша сбавила скорость и, тряхнув головой, словно отгоняя воспоминания, сказала строго:

— Приехали.

В тесной дочерней конторе было накурено. Прост Архипов, иренный, с тринным, небритым лицом, встретил начальство жалобно: плохо подвалил бетон.

— Что там такое?— Ковальчук застучал рычажком телефона.

— Что доложили ему с бетонного, было так непродержано, неприятно, что он анурился и опустился на табурет, забыв повесить трубку. Проворол трубопровод, видимо, из-за плохой сварки. В замасном резервуаре вода на исходе, и завод немедленно встанет. Что же делать? Ковальчук потер руки вилки. Подумав, попросил разискать начальника транспортного хозяйства и, когда тот явился, сказал, что придется мобилизовать все бензовозы, а на грузовики постыть четвертые бенки, чтобы возить воду с насосной. Другого ничего не придумавше.

— Не полнитесь,— бурюнул Деятельный, усмеиваясь в усы.

— Почему?

— День тяжелый. Зарплата давали.— Он широко развел руками.— Местные условия, Иван Алексеевич. Это не стадион в Луизиана.

Субботник не пройдет. И шоферами... знаете? Пусть по за руль, по посадят.

— Де вы понимаете, что такое непрерывная кладка?— Ковальчук вдруг стукнул кулаком по столу.

— Ну, на меня не кричите. Трубы кляли тля-

лял, а шоферам отдаваться!— И, повернувшись на коблук, шагнул к двери.

— Не выдумывайте! Шоферов строим, плотную, бычью шню, и по тяжелой покладке пона, что Деятельный иренго, тоже очень старается выгледать трезвым. Он хотел крикнуть: «Верните мне!»— но между ними выросла Маша Борейво, и гляд трельно в глаза, загорелая извоняло, торпологию:

— Я людей соберу! Честное слово...

Деятельный, выходя, алопнул дзюрю.

— Деятельный! Хуягал!— со злобостью бросил Архипов, внимательно глядя на Машу, спросил:

— Справитесь?

— Она только кинула, натравива рукавицы.

Трудной выдалась эта ночь. Ковальчук метался между бетонным и ТЭЦ. Поднял на ноги аска, а фундамента было не заделано. Бетонные аренци огней пылали во мраке вад и вперед. Это светились фары машин: шоферы работали.

На исходе ночи, похиваясь и сутулясь, брел он домой. В темноте угадывалась дорога. Свел а отмену светящихся, одна уходящая от завода за спиною, к водосточной. Бетонные аренци огней пылали во мраке вад и вперед. Это светились фары машин: шоферы работали.

Дома Ковальчук снял морской плащ и, прикрыв настольную лампу газетой, прилеж на диван. В комнате попис полумрак. Тяжелое ощущение одиночества вдруг охватило Ковальчука.

Все было недавно: и студенческая пора, и первые месяцы супружеской жизни.

Было! Как-то вечером Вера прибежала из Дома культуры взволнованная, с сияющими глазами. Подкинула шляпку под потолок.

— Привет! Меня приглашают в профессиональный ансамбль.

Тогда он не понял ее энтузиазма: а как же тебе учеба!

— Заниматься придется ночами,— объявила она, выходя.

И не справился. Вернее, не захотела справляться. Учт очень увлеклась, аерила, что призвание ее—балет, а строительный институт—случайность. Ушла с последнего курса.

— Что он сделал? Убедить? Пробовать... Однакожид сказал напрямик: «И балету готова с детства. У тебя шкось нет. И есть ли талант, неизвестно». Вера даже вскрикнула и прижала ладонь к щеке, как от ушиба: «Если не выходи в то, чем я живу, какой ты мне мужик!»

После окончания института Ковальчук получил направление на Урал. Как поступить, обсуждали долго и мирно. Решили: пока поведет он один, устроится, выяснит, не будет ли для него работы в Уральском ансамбле.

Так он и жил с год—ни холодно, ни жары. Вера писала восторженные письма о том, как ценит ее в коллективе. Однажды сообщала, что радостно предвидается возможность стать женой балетной труппы. И тогда он на выдержал, написал категорически: «Я или я, или ты!»

Вера ответила телеграммой, в которой было одно слово: «Искусство!»

Оставшись в одиночку, Ковальчук последние годы жил как мушкетером, словно на бивуаке.

Он закрыл глаза и долго слушал, как беснуется ветер...

Онаучился рассвете. Наступная лампа, если вые прикрытая газетой, горела. Поднялся с дивана, свилитил чай. Потом старательно брылся перед маленьким зеркальцем, всматриваясь в свое отражение. Лицо—так себе, ordinaria; волосы, помыл; слухом, волосы: лод; выходясь волосам, в которых, если анимательно приглядеться, замечать сединки... Вера говорила когда-то, что у него красная шевелюра...

Ковальчук вышел на улицу. Ночью дождь перестал, небо было ясное и холодное. Мороз стал накрепко сковал землю, и дорога изорвалась от иная и крошечных льдинок. Поселок проснулся и шумел, как шумят только строящиеся город. Гдето ступил по жести, выжила механическая пила, на лесах покочивляла прорубь.

Ковальчук любил эти утренние часы, полные хлопот, бездельности. В трест он обычно

являлся рано: не отступал от правил, установленных Москалевым. На тот раз Любовь Михайловна отпердела. Педдорозовские, прошла за ним и кабинет и, когда Ковальчук сел, положила на стол бумагу.

— Одну минуточку.— Он снял телефонную трубку.

Канье все следовало выяснить, исправив ошибку. Оказалось, что канье работы подходит к концу. Он удовлетворенно вздвинул и взял со стола бумагу. Это было заявление о расчете «по семейным обстоятельствам».

— Какое заявление в Олованью,— пояснила Любовь Михайловна,—

— Дождесь Москалева...

— Москалев вернется через месяц, а я ждать не могу,— спокойно возразила она.— Муж так же ушел, как и жинь.

— Если Иван Москалев спросит по какому праву я уволился его личного секретаря?

— Секретарша другая найдется. А семья есть семья.

— А что, собственно, а яну? И, взяв красную карандаш, Ковальчук начал крупно, разборно: «Оформить расчет. Возвращаю заявление, спросил:

— Вы никогда не увлекались... искусством? Она удивилась вопросу, но отвила кратко, точно.

— Увлекалась. Играла Катерину в «Грозе». Что вас еще интересует?

— Ничего больше. Вызовите автобус... И Деятельный срочно кину.

Ковальчук чувствовал, что не может оставить без последствий безобразное поведение начальника транспортного отдела. Не знал: обуздать Деятельный нелегко. Недаром в тресте величают его стратегом культуры и блета. Исчерпав запас, он без «комбинирования» не живет ни один человек, тем более хозяйственный, Деятельный умел ловко замалывать злоупотребления личной шоферии, но умел и «нажить на людей, чтобы переопознать их работу, не оставя без прописки».

В тресте он признавал одного Москалева. А Москалев подчас смотрел сквозь пальцы на его «комбинации»: что подделывал, люди нужны позарез; а этот хоть и головопный, да не мешал.

Войдя в кабинет и небрежно кинул, Деятельный шагнул к столу с видом споконным и равнодушным, словно хотел спросить: для каких пустаков отрываю людей от дела?

Ковальчук отодвинул бумагу, положил руки на стол.

— Не понравился мне, товарищ Деятельный, аши внешности поступок.

Начальник транспортного хозяйства повел бровью: «Мало ли кому что не нравится! Мне в тебе многого не по душе, однако мирится».

— Неужели, Иван Алексеевич, из-за этого соррится! Дело горюса ломаного не стоит.

— То есть как не стоит? Вы же были негрэвы.

Об этом, по мнению Деятельного, вообще разглагольствовать не имело смысла: все пыот.

— Вы, Иван Алексеевич, если хотите, тоже неправы. Шофера не обязаны за чужой брак отговаривать. А вернувшись работать.

Целую ночь. Незаконно выйдете!

— По-вашему, лучше прекратить кладку?

— Это меня не касается, кладка—ваша забота.

Ковальчук чувствовал, что взорвется: не умел выносить хладнокровно человеческой подлости. Но сдержался, только пальцы силал в кулаки.

— Мои распоряжения вы обязаны выполнять,— выговорил он четко и холодно.— Иначе...

— Что именно, договорить не пришлось: Деятельный усмеивался и как-то поддале вперед всем корпусом.

— Не по долору пришел! Подле.

— Не вышло!— Иревался вадит Ковальчук, поднимался. Нажал кнопку звонка и, когда Любовь Михайловна показала в дверь, приказал: — Подготовьте проект приказа. Уволить Деятельного за...

По расширенному глазам секретарши понял, что такой смелости она не ждала. Деятельный сразу стал серьезным и злым.

— Не имейте правед! Я ли после работы,—

загорили он быстро, захлебываясь.— Я буду жаловаться!

— Попробуйте! — И столько осознанной правоты чувствовалось в этом спокойном слове, что Деятельский понах: Ковальчук не из путницы, он вышел такими, даже не ходил davvero.

Минут десять Иван Алексеевич не мог успокоиться, шагал взад и вперед по узкому кабинету. В дверь постучали.

— Кто там идет? Войдите! — выкрикнул Ковальчук с раздражением.

Порог переступила шофер Борейко.

— Да,— вспомнил он и потер руками виски,— придется на станцию отвезти... артистов. Им вы работали. Не давайте дорогу!

— Нет, что вы! — Машина расстегнула верхнюю пуговицу телеграмки.

— Рановато немилкож... Садитесь,— он указал на диван.

Маша села, распустила телеграмку, опустила колесен усталые руки. За стеной стучала машина, в оконной раме дерзало коло от ветра неплюпо выманное стекло. Иван Алексеевич что-то писал.

— Можете ли помочь товарища Москалева руководить? — сказала вдруг Маша.— Я убедилась.

В ее взгляде, интонации голоса было что-то до того мягкое, предупредительное, что Ковальчук невольно сморщился.

— Вы не хотите пойти Лобасю Михайловна, молча положила на стол телеграмму. Агент по снабжению сообщил, что в адрес треста поступили нестандартные материалы.

Ковальчук пошевелил головой: бесположничал Каким материалами? В чем нестандартные? — Вызовите машину. Поеду сам.

Вглянув на диван и не сдержав невольной улыбки. Маша сплыла, уронила голову на кожаный диван. Шофересса положила шапку в корзину ушла на пол. Деушка дышала ровно, как ребенок. Ковальчук вгляделся в ее лицо: нос — юпюка; пухлые губы, верхняя чуть приподнята. И какой легкой надолумил ее поступить на работу, шофересса Ромашкина? — И как это, трезво осознанный долг? И Ковальчук показалось неестественно страннм то, что он ничего, почти ничего не знает об этом живом человеке.

Маша вдруг открыла глаза.

— Не надо!

— Пожалуй, пора,— глянул он на часы и тоже стал собираться.

На улице, когда Ковальчук садился в потрепанную «Победу», и машина двинулась налево, Маша улыбнулась. Сбегавно заметил:

— Иван Алексеевич, на станции! Выручайте. Закурившаяся с я ними. Ну и народчик! Одна не согласилась ехать в автобусе: уключает. Проклятите с собой.

Ковальчук согласился, а когда подехал к клубу, сердце его словно упало: а вдруг поедет одна? Поблизости Маша поучивалась, что он перед Варей совсем беззащитен, как мальчик. — Даже не знаю, как заставить ее и в машину полегоче сидеть. Воздух был чист, неподвижен. И удивительно просторным казался мир, вмещающий и эти бесконечные гряды суровых сопек, и дремучую тайгу, и негодные ковыльные степи.

— Женщина поквасила и званула.

— Отдохнули неважно? — спросил Ковальчук.

— Да,— она поудобнее устроилась на сиденье — начальник ваш — самодур, вчера машины не дал.

— Есть такой... самодур,— согласился Ковальчук, даже не улыбаясь. Спросил: — А вам не островетно вое так... неустрашительно, переодеть самодура? — Маша не ответила.

Женщина глянула ему в глаза прямо и, как показалось, сурово.

— Я работаю и в этом нахожу удовольствие. Конечно, в Большом театре, скажем, почетнее и спокойнее. Но ведь и здесь люди живут. А все люди ценят искусство. И знают,— она задумалась на секунду,— но всем быте в Большом. Каждый работает в меру способностей. Мы-таме, конечно, мы все... Уж если совсем обманет признание, лучше бросить

Сразу! Только это очень трудно артисту. Это, как живую руку отрезать.

— Да, это, пожалуй, трудно,— подтвердил Ковальчук.

Ему вспомнилось, как несколько лет назад в гостинице сибирского города случайный шаг его администратором ансамбля, в котором начинала работу Варя. Поинтересовалась ее судьбой. Администратор напоросила лбу: «Коварно была такая... Теперь где, не скажу. Где-то на периферии». «Ба, кажется, считали способной!» «Как вам сказать... Маша молодая, обязательная, держалась. Прошла молодость». Администратор так и не закончил фразу, но его слова тогда почему-то обидели Ивана Алексеевича, будто относились лично к нему...

— Была у меня знакомая,— сказал он негромко.— Тоже мечтала... о Большом театре.

— И как? Добилась?

— Не знаю. Давно ее не видел.

Минут десять ехали молча. Вдруг она вымолвила, будто отвечая на свои мысли:

— Случайные люди в искусстве всегда встречаются.

Зачерпнул строения затерянного в сопках раздвоя. Потом из-за поворота выбежали, как два серебряных ручейка, рельсы железной дороги. Подъехали к станции. Кивнула на прощание, левиза вышла из машины.

— На товарища доре Ковальчук отсылаю агента по снабжению. Нестандартными оказались железобетонные плиты для перекрытий.

— Головатый! — охлился Иван Алексеевич.— Полторы тысячи километров везли этот балласт.

— Агент был настроен миролюбивее.

— Возни с рекламицией много... Может быть, как-нибудь обойдемся?

— Обойдемся? — Ковальчук глянул на него так, будто в первый раз видел. Сознание личной ответственности за все, что происходит на стройке, было новым для него чувством; оно настраивало и радовало. Будто теперь Ковальчук наблюдал за собой со стороны и, приглядываясь к себе, спрашивал: ах, зачем!

— Составите рекламицию,— коротко приказал он и, повернувшись, зашагал к выходу.

Ковальчук садился в машину, когда к станции подкатил автобус. Маша Борейко, сразу, приглушая бурлящую радость, в сознание вторглось что-то тревожное, беспокойное.

Отвнувшись на спину сиденья, он видел, как из автобуса выдвигался артист. Позвонив, — подняв водителю корзинного пальто, прошла быстрая Варя и смирлась за дверью крохотного вокзальчика.

«Вот и все,— сказал себе Ковальчук,— пусть уезжает!»

Он просидел минут десять, думая все об одном: прошлое нельзя зачеркнуть. Годы многому научили: забыты пуные обиды, боль прощена... Нужен ли ей! Может, тоже забить, как непонятный и мутный сон...

Настоящий шум заставил его онуняться; в станицу, громыхая на стыках рельсов, подкатил поезд. И сейчас же из серенького вокзальчика высыпали люди и терпеливо пошли к путям. Ковальчук выбрался из машины и тоже пошел навстречу приближающемуся составу. Он шел тихо, но сердце стучало, словно от бесперывного бега, а глаза искали кориничное пальто и не находили. Вдруг, обгоняя Ковальчука, женщина коснулась локтем его рукава.

— Варя! — воскликнул он и не услышал своего голоса!

Женщина повернулась, и Ковальчук прочитал в ее серых глазах сначала недоумение, потом удивление и, кажется, страх.

— Здравствуй! — сказал он чуть слышно и протинул руку, будто они ежедневно и просто встречались.

Варя шумно вздохнула, протинула к нему холодные руки, и сумочка выпала у нее из-под локтя. Ковальчук поднял сумочку.

Будто лишь теперь Варя поняла смысл происходящего.

— Погоди. Это ты! Я никак в себя не придум... И правая рукой по глазам.

— Он видел ее лицо, милое, знакомое. И оттого, что лицо это постарело, поблело, у него вынуло сердце.

— Что ж мы молчим! — Варя коснулась первойой его груди.— Говори.

— Но все, что собирался сказать ей Ковальчук, вдруг забылось. Он стоял, держа в руках ее сумочку, но сходя с Вари глаза.

— Ты знал, что я здесь? Знал! — заговорила она.— Почему не отсылаю меня раньше? Как ты вообще... живешь?

— Нормально. Работаю.

— Я не о том... Она теревала в руках перчатку.— Не то, все не то...

— И он понимал, что все это не то, не настоящее, что настоящее... Создать прямо: «Для тебя я когда-то тихо ушел из жизни, зачея в провинции. Знакомые жалели меня. Но, знаешь, я, кажется, счастлив. Даже наверняка счастлив. Хоть бы тебя очень мне тут...»

Но это не говорится так просто, и он спросил:

— А ты? Довольна работой? — и поправился: — Искусством?

— Не знаю... Все провиннее, чем мечталось.

Ковальчук вдруг почувствовал в ней острую жалость, точно к ребенку... Да, Варя изменило признание, а она была признаться в этом даже самой себе. «Это трудно, как живую руку отрезать... Но жизнь ведь не кончена!»

— Не собираешься ли остаться здесь на вторую ночь? — громко спросила сзади.

Ковальчук обернулся: на ступеньке вагона стоял экипированный и с нагловато усмешкой поглядывал на них.

— Варя вздохнула, смеялась.

— Сейчас... и опять приналася тереть перчатку.— Напиши мне в областной город, до астробования!

— Тебе это нужно?

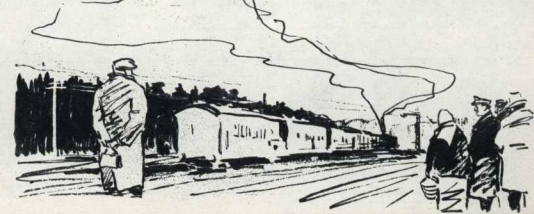
— Ответа он не расслышал, потому что оглушительно загудел паровоз и Варя вдруг приала лицом к его жесткому, сырому плащу. В следующую секунду поезд тронулся, Варя пригнула на подножку и сразу прошла в вагон.

— Сумочку, сумочку возьми! — закричал Ковальчук.

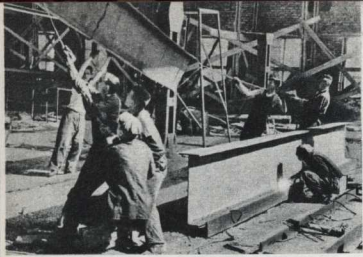
— Она не услышала, тяжело опустив на место и завернув плечу руками.

— Не можешь быть филей-ингел! — проворчал недоливо экипированный.— Это что за пимок!

Варя пригала головой к стенке сиденья и беззвучно заплакала. Не потому, что обиделись слова, а потому, что с беспощадной остротой ощутила, что все, чем живет она, не настоящее. Настоящее где-то потеряно, осталось там, позадон. Но она больше не хочет, не может так жить!



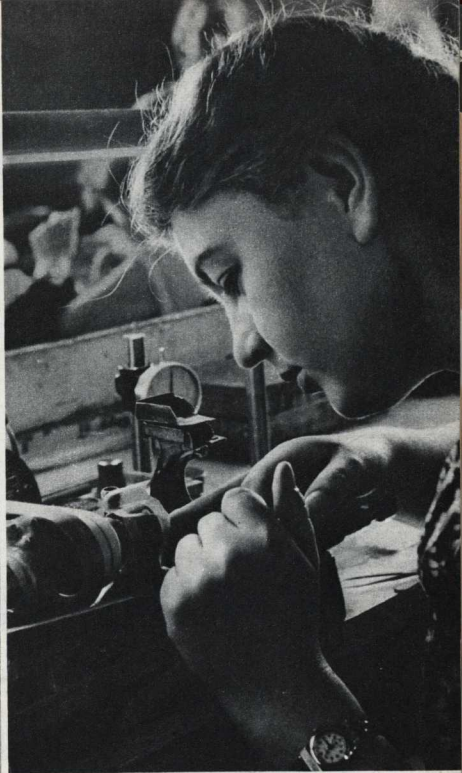




Решение XIII съезда ВЛКСМ, призвавшего комсомольцев взять шефство над предприятиями динамической промышленности, вдохновило молодых строителей кордного цеха, который создается на заводе искусственного волокна в Красноярске. Они объявили юрдинь цех комсомольской стройкой. Молодцы не жалуют сил, чтобы новой предприятием вошло в строй в ближайший срок.

На снимке: монтаж металлических конструкций кордного цеха.  
Ю. БАРИН

г. Красноярск.

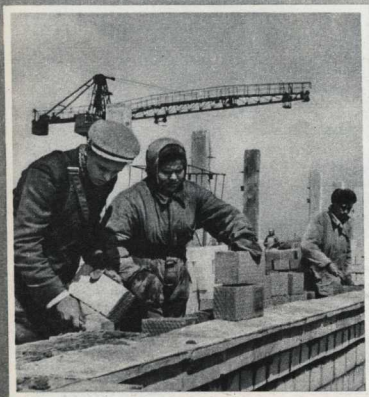


Призыв XIII съезда ВЛКСМ усилить борьбу за экономно и бережливость нашёл горячий отклик у молодых производственников Челябинского часового завода. Здесь организован комсомольский штаб, который руководит работой редных бригад в цехах. За короткое время заводом сэкономлено 300 тысяч рублей.

На снимке: толяр комсомолка Инна Леднева. Использует передовые методы работы, она выполняет ежедневно две нормы.

г. Челябинск.

Е. ТКАЧЕНКО



Москва, Мзутный проезд. Здесь возводится многоэтажный 198-квартирный дом. Со сказочной быстротой растут стены его корпусов. На стройке особенно широко славу завоевала комсомольская новосокольско-молодежная бригада Армада Петрова. Наменцины, стел, входящие в бригаду, выполняют ежедневно по две с половиной нормы.

г. Москва.

г. БОРИН





Василий ШУКШИН

# ДВОЕ НА ТЕЛЕГЕ

Рассказ

Дождь, дождь и дождь... Мелкий, назойливый, с легким шумом шел день и ночь. Избы, дома, деревья — все намочило. Сквозь ровный шорох дождя слышались только, как всплескивала, журчала и булькала вода. Порой протыкивало солнышко, освещало падающую сетку дождя и опять закутывалось в лохматые тучи.

— По грязной издалека дороге двигалась одинокая повозка. Рослая гнидая лошадь устала, глубоко проваливаясь боками, но время от времени еще трусила рысью. Двое на телеге вымокли до основания и сидели, понуря головы. Старик-возница часто вытирал рукавом фуфайки волосатое лицо и сердито ворчал:

— Погодка, черт тебя надвела... Добрый хозяин собику из дому не выпустит...

За его спиной, укрывшись лег-

ким плащом, тряслась на охалке мохрой травы маленькая девушка с большими серыми глазами. Обхватив руками колени, она безразлично смотрела на далекие скрипы солом.

Рано утром эта «сорочка», как про себя назвал ее сердитый возница, шумно влетела к нему в избу и подала записку: «Семен Захарович, отвези, пожалуйста, нашего фельдшера в Березовку. Это до крайности необходимо. А машина у нас на ремонте. Каассо». Захарыч прочитал записку, вышел на крыльцо, постоял под дождем и, войдя в избу, бросил старухе:

— Собери.

Ехать не хотелось, и, наверно, поэтому бойкая девушка не поехала. Захарычу — он сердито не замечал ее. Кроме того, злила хитрость председателя с этим его «пожаруистом». Не будь

записки и не будь там этого слова, он ни за что не поехал бы в такую непогодку.

Захарыч долго возился, запрягая Гнедху, толкая ее кулаком и, думая о записке, громко ворчал:

— Становись, пожалуйста, в оглобли, дура окаянная!

Когда выехали со двора, девушка пробовала заговорить с возницей: спрашивала, не болит ли что-нибудь у него, много ли снега бывает тут зимой... Захарыч отвечал неохотно. Разговор явно не клеился, и девушка, отвернувшись от него, начала негромко петь, но скоро замолчала и задумалась.

Захарыч, суетливо подергивая вожжи, тихо ругался про себя. Он всю жизнь кого-нибудь ругал. Теперь доставалось председателю и этой «сорочке», которой приспичило именно теперь ехать в Березовку.

— Ххе-е... жизнь... Когда уж только смерть придет. Но-о, журавя!

Они с трудом выехали на гору. Телега качалась, скользя, точно пыла по жирной, черной реке.

— Ну и погодушка, чтоб тебя черти...— ругался Захарыч и уныло таянул: — Но-о-о, уснула-а-а...

Казалось, этому пути, дождю и вечному старика не будет конца. Но вдруг Захарыч беспокойно заерзал и, полуобернувшись к спутнице, весело прокричал:

— Что, хирургия, небось, замерзла?

— Да, холодно,— призналась она.

— То-то. Сейчас бы чайку горячего, как думаешь?

— А что, скоро Березовка!

— Скоро Медузино,— лукаво ответил старик и, почемучью рассмеявшись, погнав лошадей: — Но-о, ядрена Матрена!

Телега свернула с дороги и покатилась под гору, прямо по целине, таратая и подпрыгивая. Захарыч молодечки покрикивал, лихо крутил вожжами. Скоро в лохму, среди стройных березок, показалась одинокая старая изба. Над избышкой струился синий дымок, растягиваясь по березнику слонятым голубым туманом. В маленьком окошке светился огонек. Все это очень походило на сказку. Откуда-то выкатились два огромных пса, кинулись под



ноги лошади. Захарыч соскочил с телеги, отогнал быка, собрал и повел лошадей во двор.

Девушка с любопытством осматривалась и когда заметила в стороне между деревьями ряды ульев, догадалась, что это пасека.

— Бები отговаряйся!— крикнул Захарыч и стал распрягать лошадей.

Прягнув с телеги, девушка тотчас присела от резкой боли в ногах.

— Что? Отсидела? Пройдись маленько, они отойдут,— посоветовал Захарыч.

Он бросил Гнедуху охапку травы и первый потрусил в избушку, отряхивая на ходу мокрую шапку.

В избушке пахло медом. Перед камельком стоял на коленях безголовый старик в черной сатиновой рубаше и подрабывая дровами маленькое гулево и покрескивало. На полу затейливо улепегалась патка света. В переднем углу мигала семилетняя лампа. В избушке было так тепло и уютно, что девушка даже подумалась: не задремала ли она, сидя в телеге, не снится ли ей все это? Хозяин появился навстречу неожиданным образом — он оказался очень высоким и светлая сутулилась — оторкнул голени и, прищурив глаза, сказал глуховато:

— Доброго здоровья, люди добрые.

— Ты добры или нет?— не зная, ответил Захарыч, пожимая руку старому знакомому, — а вот промокли мы изрядно.

Хозяин помог девушке раздеться, подобрал еще в камельке. Он даявался по избушке не торопясь, делал все спокойно и уверенно.

Захарыч, устроившись в камельке, блаженно кряхтел и приговаривал:

— Ну и благодать же у тебя, Семен. Прямо рай. И чего я пасечником не сдался — ума не припомню.

По какому же делу едет? — спросил хозяин, поглядывая на девушку.

— А вон с доктором в Березовку едем, — объяснил Захарыч. — Ну, помолоде он нас... Хоть важикий, званг его совсем...

— Доктор, значит, будет? — спросил пасечник.

— Фельдшер, — поправила девушка.

А-а... Смотри-на, молодая какая, а уке... Ну, согрвайся, согрвайся. А мы тем делом соорзики чего-нибудь.

Девушке было так хорошо, что она невольно подумала: «Все так правильно, что и сюда пошла. Вот где действительно... житья». Ей захотелось сказать старикам что-нибудь приятное.

— Дедушка, а вы ведь год здесь живете? — спросила она первое, что пришло в голову.

— Весь год, дочка.

— Не скучаете?

Ка! Какая нам теперь скука. Мы свое спали.

— Ты тут, наверно, всю жизнь наизвоз продавал, один-то? Тебе бы сейчас учителем работать, — заметил Захарыч.

Пасечник достал из-под пола берестовый тросок с медовошкой и налил всем по кружке. Захарыч даже слюну глотнул, однако кружки прилад не торопясь, с достоинством. Девушка застыдила, стала отказываться, но оба старика настоящие уговаривали,

развешая, что ес устакну и с холода — это — первейше дело. Она выпила полкружки.

Вскричал чайник. Сели пить чай с медом. Девушка расскраснелась, в голове у нее приятно зашумело и на душе стало ладно, как в праздник. Старик вспомнил как-то кумовья. Пасечник раза два покосился на улыбающуюся девушку и показав на нее глазами Захарычу:

— Тебя, дочка, как звать-то? — спросил он.

Захарыч отечески похлопал Наташу по плечу и сказал:

— Ведь она, слушаи, ни разу не пожаловалась даже, что холодно, мол, дедушка. От другой бы слез не обделался.

— А вон у нее, видишь, — указав пасечнику и сказав: — Комсомольский значок и добавил: — Они молодцы!

Наташа ядруг захотелось рассказать что-нибудь особенное о себе.

— Вы вот, дедушка, ругались давеча, а ведь это я сама попросилась ехать в Березовку.

Да ну! — изумился Захарыч. — И охота тебе?

— Нужно — значит, охота, — задорно ответила Наташа и покраснела. — Лекарство одно в нашей аптеке кончилось, а оно очень необходимо.

— Хх ты! — Захарыч крунул головой и решительно заявил: — Только сегодня мы уж никуда не поведем.

— Да, лучше переждать, — согласился пасечник.

Наташа перестала улыбаться. Старик снова принялся за свой разговор. За оном было уже темно. Ветер горестно свистал в стелю дождя, тоскливо скрипела стая.

Девушка встала из-за стола и присела у печки. Ей вспомнились врач толстый, угрюмый человек. Проважал ее, он говорил: «Смотрите, Зиновьева... Погода-то больше того. Простудитесь еще. Может, нам кого-нибудь другого послать?» Наташа представляла, как доктор, узнав, что она переждала неполадку на пасеке, посмотрит на нее и подумает: «Я ведь и не ожидал от тебя ничего такого. Молоды вы и слобоваты. Это извинительное», — а вслух, наверно, скажет: «Ничего, ничего, как пасечник посмотрел на ее комсомольский значок... Она резко подыалась и сказала:

— Дедушка, мы все-таки поведем сегодня. — И стала одеваться.

Захарыч обернулся и вопросительно уставился на нее.

— В Березовку за лекарством поведем, — упорно повторила она. — Вы понимаете, товарищи, мы просто... мы не имеем права сидеть и ждать!.. Там больше люди. Им нужна помощь!..

Старик изумленно смотрел на нее, а девушка, ничего не замечая, продолжала ублаждать ее. Пальцы ее рк скалились в туго, острые кулачки. Она стояла перед ними маленькая, счастливая и с необыкновенной любовью и смущением призывала больше взрослых людей понять, что главное — это не жалеть себя!..

Старик все так же, с удивлением смотрел на нее и жалеть, ждали еще чего-то. Счастливые блеск в глазах девушки постепенно сменился выражением горькой обиды: они совсем не поняли ее! И старик показался ей ядруг не такими уж милыми, хорошими. Наташа выбежала из

избушки, прислонилась к косяку и заплакала... Было уже темно. По крыше ушло шуршало дождя. Не крыльцо с карниза дробно шлепалась капля. Перед оком, избушки лежал желтый квадрат света. Жирная грязь блестела в этом квадрате, как масло. В углу дробно, невидимая, фыркала и хрюстала травой лошадь...

Наташа не заметила, как на улице ахнул хозяин.

— Где ты, дочка! — негромко позвал он.

— Здесь.

— Ну-ка, пошли в избу! — Пасечник указал ей за руку и пошел за собой. Наташа покорила шло, витая на ходу слезы. Когда они появились в избушке, Захарыч суетливо копотился в темном углу, отыскивая хозяина.

— Эка ты! Шапку куда-то забросил, зяви же, — ворчал он.

А пасечник, подкладывая в печку, тоже несколько смущенный, говорил:

— На нас не надо обижаться, дочка. Нам лучше разбиться лишней раз... А это ты хорошо делаешь, что о людях заботишься так. Аслоды.

Наконец Захарыч нашел шапку. На Наташу вместо пальто надели большой полушубок и брезентовый плащ. Она стояла посреди двора изумленная и смущенная, поглядывая из-под башки мокрыми всевыми глазами и шмимга носом.

А вокруг нее хлопотали анюшаты старика, собирающая, что бы еще надеть на нее.

Через некоторое время телега снова медленно катилась по дороге, и на ней снова трясилась два человека.

То-принятому розно шумел дождь обочи дорог, в канавках, тихонько булькала и хлюпала.

## Виктор КОЧЕТКОВ

### НА ДНЕСТРЕ

Стрину над рощей отсновали,  
Потух заката уголек,  
И ветер спит на сеновале,  
Зарышился теплым угодок.

Реза успела опозать

Туманом зябине мусты,  
Кричит нессытая нессытая  
Из прибрежной черноты.

Стерлядка плещется лениво  
На сербристой быстрине  
Пеленет слива торопливо  
О чем-то в сонной тишине.

А полочке наострила ушк,  
И спит, и слышит навяи,  
Как падают устало груши  
В саду на влажную траву.

### В КОЛХОЗЕ «ФРУКТОВЫЙ ДОНБАСС»

Здесь негде разгуляться ветру,  
Здесь полумрак и тишина,  
На десять с лишним километров  
Садов зеленая стена.

Листок к листку и ветка к ветке  
В одной сажени от реки  
Стоят черешни-однолетки  
И зяблют темные рядки.

А вслед за ними абрикосы  
И слив шумливая толпа,  
Полет, прилетаи и откосы,  
Негоропливая тропя.

Идешь, как штреком, той тропюю,  
Как будто ты попал в забой.

Лышь проблеснет над головою  
Осколок небес голубой.

И летит сыростью овранкой,  
И тынеш ровный шум воды,  
Из-под листьев, густой и влажной,  
Как антрацит, блестят плоды.

И слышно, песья свою заводит  
Полутрико охриплый бас...  
Как ударилило подбасит  
Сюда веселом — Донбас!

### ВЫСОТА

Над быстрой речкой перекинула  
Крутая рудута моста,  
И прямо к берегу приидиута  
Задумчивая высота.

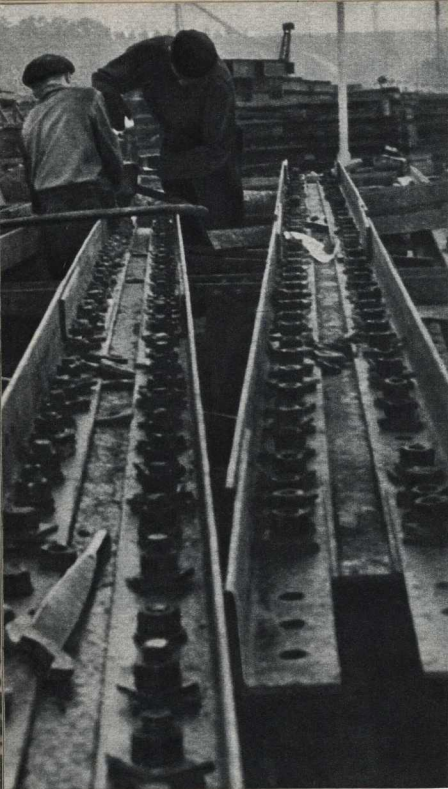
И ядрю и поперек рассечена  
Седыми шривыми траищей,  
Она в приказе не отменена,  
На картаг нет названья ей.

Стоит туманным затянута,  
Без оштумных перемен...  
Была лыня в сводах уполышута,  
И то с названьям кратким ей.

Что, мол, на зиском направлении  
[Узай, попробуй, на каюм!]  
Шли саватю местного назначения  
С контрагнатукою врагом.

Огнем и димом окружена,  
Во дни решительные те  
Она стояла импрариона,  
Как подобает выоте.

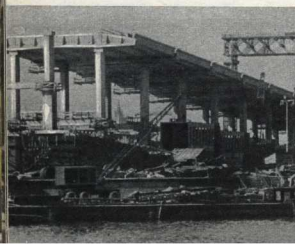
г. Книгивен.



Здесь собирают специальные металлические опоры, которые будут под-  
держивать арку моста при транспортировке его на понтонах.

Ранним ноябрьским утром по широкому мосту, только что построенному над Москвой-рекой, заспешат пешеходы, зашумят машины — жизнь закипит бурливым потоком на новой ма-

Широкая эстакада уже вышла к берегу.



гистралы столицы. Пешеходы будут останавливаться у литых перил, любоваться видом на Левинские горы и Лужники, смотреть на спокойную гладь воды, где орокинудось отражение красавца-моста. И сердца их переполнит гордость за людей, построивших замечательное сооружение.

Это будет! Будет через три месяца. А пока здесь хозяйничает строитель. Необычная стрелка имеет свои особенности.

Главная часть моста — его арка — собирается не над водой. Ее монтируют на суше.

Коллектив проектировщиков и строителей моста нашел оригиналь-



# МЕТРО-МОСТ



Фото  
Петра Носова.

Заливаются бетоном последние арматурные бетонные арки.

ное решение: строить на правом и левом берегах эстакады и одновременно собирать на суше арочный пролет. Выгрыши во времени неважный: мост будет сооружен за полтора года.

Но как спустить на воду арочный пролет весом в 5 тысяч тонн, длиной в 200 метров? Для этого

к арочному пролету строители подведут рельсы и катки, по которым вся громада медленно, со скоростью 10 метров в час, с помощью застрелбедек поплывет на пирами. Здесь под арочный пролет подведут наполненные водой плашкоуты — специальные резервуары из 248 понтонов. Воду из



Эти студенты — будущие инженеры-строители. Они приехали из Ленинграда, Днепропетровска и Тбилиси, чтобы на сооружении Метро-моста пройти производственную практику.



плашкоутов откачают, они всплывут и поднимут на себе арку. После этого строители подвезут плашкоуты к опорам, затопят их снова, и арка встанет на свое постоянное место, составив одно целое с лентами эстакад на правом и левом берегах. Такого смелого решения не знала еще история мостостроения ни у нас, ни за рубежом.

Мост будет двухъярусный: по верхнему пойдут пешеходы, машины, по нижнему — поезда метро. На мосту будет и станция метро. Вот почему сооружение получило краткое, но выразительное название: Метро-мост.

Ни одна стройка в нашей стране не обходится без молодежи. И здесь, на строительстве Метро-моста, трудится почти двухтысячный молодежный коллектив.

Комсомольцы чувствуют себя

Электросварщик Евгений Рязанов. Он выполняет сменное задание на двести с лишним процентов.

хозяевами стройки. На каждом участке — комсомольские посты. Чуть только какая бригада замешкается или поведет снабженцы — не подвезут вовремя стройматериалы, — появляется «молния» с горячими, будоражащими словами: «Тревога! Срываются сроки строительства», — и весь коллектив приходит в движение, гудят, как улей, комсомольские собрания. Горе тогда верадным! Несдобровать, не уйти им от хлесткой, беспощадной критики.

Строители дали твердое слово соорудить Метро-мост к 41-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

В. АРСУХИН



Татьяна УЛЬЯНОВА

## ПЕРВЫЙ ПРЫЖОК

Пригнула!..  
Шурша упругим шелком.  
Распластался купол на лугу.  
Здорово!  
И счастья сразу столько,  
Что не петь сегодня не могу.

Как же это раньше я не знала,  
Где так много радости найти!  
А ведь это — только лишь начало  
Моего крылатого пути!

## С ДОБРЫМ УТРОМ!

Ветру свежому навстречу  
Повернулся круто,  
Подхватил меня за плечи  
Купол парашюта.

Облаков густые волны  
Замелькали мимо,—  
Натанула ту же стропы  
В этот миг счастливый.

Солнце залило, сверкая,  
Купол парашюта.  
Милый край, земля родная,  
С новым добрым утром!

## ЛЕТЧИК

Льет проливной, и гром грохочет,  
Но, крепко сжав штурвал в руках,  
Выводит летчик четкий почерк  
В обжитых нами облаках.

То взмлет высоко за тучи,  
То, сделав резкий разворот,  
Вдруг горку выберет покруче  
И грудью облако прошьет.

А там, вдали, за тысяч метров,  
Земля родная под крылом,  
И серой дымкой предраассветной  
Окутается аэродром.

Сквозь эту дымку видит летчик  
Аэродромный огонек...  
И все смелей, все четче почерк  
Выводит в небе ястребок!

# ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

В дни XIII съезда ВЛКСМ довелось мне познакомиться с Фредериком из ленинградского завода. Готовя к печати его речь, только что произнесенную на съезде, я с любовью поглядывал на ладного юношу, принарядившего и модный костюм. Оратор с бездельными жестами внимательно вычитывал правую сторону стенограмму. Стеснялся редакторской отсечки, он то и дело вытаскивал скожманый чернышюк и, иронически поглядывая на меня, подолгу силчал оба текста. В сомнительных случаях, десятикто кашляю, он возвращался к прочитанной странице, и тогда мы вместе отыскивали лучшую формулировку.

Дойдя до последнего абзаца, повисен молодежь Ленинграда внятно и не спеша по-лодному Лениградскому, и не спеша передал речь, вытаскивая авторскую и в раздумье завертел ее между пальцами. Я демонстрировал молчаливо, пока он наконец не подписался, тщательно выводя одну за одной все буквицы. Расстались, впрочем, мы по-приятельски. Голова овиная: ждали появления Никиты Сергеевича Хрущева, — паренек на ходу успел обернуться. Он повеселел, и его озорная улыбка явно адресовалась только им, удавшим себя.

Вторично этого пареня я увидел в Георгиевском зале. Он чинно шествовал во главе колонной группы делегатов, где рядом со школьницей из Старополя арзамальского шши меледы морские легендарной Балтики.

Не с туристским верожданием, а пылито, обстоятельно знакомился участника съезда с молодежными подарками, приславшим всех видов России, и из многих стран мира. С синеватым блонтиком и той же рукой Лениградцев стоял у диковинной модели корабля, управляемого по радио.

Через день в «Комсомольской» его фамилия значилась в составе ЦК ВЛКСМ. Вновь приходящий и он сам, и его старательные буквицы из авторской подписи на стенограмме, и почему-то рука, именно она, «серийно-стандартная», явно ничем не замеченная. Я несколько подумал: введет ли рука у ленинградского делегата символика. Разве не от него тянется незримая чудесная нить к классическому орлыку карандаша, который лет сорок назад увесовечивал имена хребцовцев, горющих промишля. Кожанка и позолоченная погонные сажени дров, заготовленные на субботниках?

## 1. «СИМВОЛ»

Весной девятнадцатого года один из таких карандашных орлычков выпал и на мою долю.

Собрание рабочих паровозного депо, где я работал, подходило к концу. Мы с заводскими друзьями Головановым, подручным слесаря, уже пробрались к важдку, когда прозвучало странное знакомое, оказывается, моя фамилия, провозглашенная слесарем Никончиком — секретарем партийной ячейки нашего вагонного цеха № 2.

Минута, другая, и меня под руки волочут к преднику, выгромоутому на доске, перекинутые через торжок стожие керосиновые бочки. А лукавый Никончик аллоудит, не жалея ладош. Он больше всех доволен едлодушкой искосок поглядывая.

Значит, так, Михалыч, — сияет партсекретарь, с иронической торжественностью вручая мне обломок конторского карандаша и втроеч размазывая замызганным самовольным портефбликом общественное положение, торжественно говорит: — Не персями. Отныне ты главный комиссар над всей молодежью. Ее комсомольский организатор. Чувствуешь? От Санькича аж до сынов Битеско. Подой.

Никончик вымачивает своим символамо, не-

чаянно задевает пушистые усы начальника депо добродушного Осипова.

По соборноно прокатывается смехом. А Осипов, на лету ухватив портефлик за самый краешек, лукаво потрясает им над столом и при всеобщем оживлении извлекает из портефлика смутную ученическую тетрадку, два галечных ключа и кусок хлеба. Затем, перегнувшись через председательский стол, ии слова не говоря, передает портефлик мне.

Держа в одной руке этот «символ», а в другой карандашный орлычок, пробрался я к нашей прокопченной дежурке осмотровых вагонов. Из раздумья меня вывел проводница тета Маша.

Никанк замкомиссарис, Михалыч! Не успели возникнуть, а уже толчок человеческого не слышим, — обижено выпалила она, тяжело дыша и утирая вспотевший лоб. — От повторного круга ключу тебя, злодей, а он, как злобный, не видит и не слышит. Тебя сам Иван Семенович ждал. Топай прямолинейно к нему в вагон восьмь. На дежтом больничном стоим.

— В купеше попали?

Бандит встала махала. Вера под Куркомором гондировала окна прострелила, да нам с Семеновичем не привыкать. Как на фронте. А намедлись так...

Спохватываясь, тета Маша опять напустилась на Ю, чего зястай, молодина у водичку?

Вагон № 8, квартиру на колесах председатели железнодорожного военно-революционного комитета Ивана Семеновича Капралова, знала все маневраль. Стоял через несколько минут перед «семеновичем» я с ослепкой поглядывая на этого железного человека, участника трех революций, действовавшего на посту председателя ВРК столь же решительно и смело, как действительный в бригаде курьерского локомотива, будучи машинистом.

Капралов кивнул сердитым глазом злополучный никоновский символ и заргелел, давняя кустисте брови:

— С портефлика начинаем? Для пушей важности? Может, и вагачиком обвелева? А комиссарскую кожанку с алыми портками кажа оденешь — сразу иди погодить малость?

И отпустил голову.

Дзвонил в вагонный телефон штаба армии. Ругнувшись, в хрипящую трубку — речь шла о каких-то не поданных вовремя воинских зиелонах, — председатель ВРК потонулся к портсигару, цепенку зажигалкой. Потом до того раскисался, что весь затрясся и поистер.

Трубка, нездоровью повешенная, смолкла. Капралов привиднул таяженную бронзовую пепельницу, вдавил в нее окур, поветливо ткнул жемистой рукой в алыйшый дианчик. — Поси, пока я жегу подлам субботникам. Смешком, как ни верти, нам подогнать, а не Николаю-угоднику.

Круто подоготовая с тигвиками и движением, он откнулсяшюк на спину несобойного кресла, дзвонил в секунду лопатыми лопками броней красные от бессиония глаза, и завел речь совсем на иной манер — незлобивый, домашний.

— Не дуйся на старика, Антонич, — начал он, потянув меня спину несобойного кресла, и бес нас хватает. Хлебушка в обрел, обухи нет, врат рвется отовсюду. К народу в такой час с добрым словом надо, а не с портефликком, не с понуком. Взяй молодежь, к примеру. Голубя, дружка — ничего не слыть, и рделает паровоз: «...Наш паровоз, дети вперед, в коммуно остановак! А путь-то к ней, к коммуно, не короток. У паровоза каждый золотничок проверять надо, за тонкой прорезью, за манометр песталыт, смазочку про проскочить. Вот и вложуй этот всем парням и девчатам. Да не впопыхах: раз, два и я... мировая революция. Погоди, не кри-

вис, Казис, и я в Молодых Ковки. До сих пор помню, как у нас на Казиске в девицстот пятюм...

Перевес на дианчик, Иван Семенович душевно заговорил об Утхомосе и других героях первой революции. И, наконец, разозлившись, злобничко забросил первый план работы нашей комсомольской ячейки.

— Лица без начала, — улыбулился он, протягивая листочек, вырванный из блокнота, и следом за мной выходя в тамбур. Постоило немного на вагонной площадке, потом, усмотрев какой-то непорядок на стационных путях, легко прыгнув с высокой подножки и вскопал на мачеровый паровоз.

— Помогут! — крикнул он мне, высовываясь из будки машиниста.

Туберкулз рано подкосил жизнь Ивана Семеновича Капралова, стойкого большевика, первого и общепризнанного вожака казанской железнодорожной комсомольки.

## 2. СЮРПРИЗ

В один из субботных вечеров, когда дневная смена вагошников уходила из цеха, а мы, молель, спешили на ретепитию, меня на подорожке остановил комиссар железнодорожного телеграфного Стрешиня. Машинистом, горячий активист стационного драмкружка, был озачобен.

— Отказали в помещении? — спросил я, зная, что любители искусства всегда вытравляли у городских властей какой-нибудь сараичк для ретепитий и спектаклей.

— Речь не про это, — ответил комиссар — Другая новость. Государственный масштаб! Отличная постановка, в которой всемерно преувеличили, но все раз он начушь не погреша против истины: в городе, проездом на фронт, ожидали Михаила Ивановича Калининна, и не исключалась возможность его выступления на вокале.

— Помнящая, — горячился Стрешиня, — каково краснеть перед Всероссийским старостой? У нас не агитпункт, а почлежка. Весь пол в окурках и семечках...

Экстренное комсомольское собрание, состоявшееся взамен ретепитий, длилось недолго. Молодобоц Обвинчиков предложил устроить комсомольский клуб в просторном и незаезженном барике, приватившемся за «полосой откудывания». Стрешиня, уверенно, что Михаил Иванович зяглет не в агитпункт, а именно в наш клуб. Девчата вывалялись отмыть пол, малярн — побелить стены, стюльнич — застелить оии. В довершение всего комсомольский клуб в довершение всего Михаил Иванович зяглет не в агитпункт, а именно в наш клуб. Девчата вывалялись отмыть пол, малярн — побелить стены, стюльнич — застелить оии.

Смотровщик вагонов Плотноиков, инан в просторечии дядя Сана, человек далеко не юного возраста, но ревностный участник всех наших комсомольских начинаний, пылительно изучил старинную олеографию и высказался уклончиво.

— Рамка хороша — багет, сюжеток так себе, а подлилки маловато. — Но тут же обиделся: — Дело поправимое, не впервой.

Дядя Сана действительно не раз выкручал нас. Его каллиграфический почерк и поразительный дар блестящего карикатуриста создали завидную славу озорному сатирическому листку «На железке». Никто лучше Плотноикова не мог оформить и логично представить дни праздничных демонстраций. Словом, вопрос уладился, но опасность возникла с другой стороны.

Речная нефтебаза, выждав, пока заброшеный барак засерял убранием, коварно предьявила в ходе хозяйские права. Только суровое вмешательство Капралова предотвратило агрессию.

И все же над нами нависла туча. И как ни странно, по вине безобиднейшей дяди Саши.

— Минуту на минуту ожидай Михаила Ивановича Калинин, мы внезапно входим какуто рогожку, красовавшуюся над входом в наш «комсомольский клуб», как отныне официально именовался барак, отоваренный у нефтебазы. Все исполнено в лучшем вкусе. И вот! Плотников, с трудом скрывая волнение, самоотверженно оборонял подступы к рогожке.

— Не трогайте! — кричал он. — Такой порядок, раньше времени открывать нельзя. Товарищ Калинин подобен — полагается. Не трогайте! Уважайте меня как художника и поэта. Две ночи не ложился в честь дорогого поэта. Сорри!..

— Какой такой сорри? — оробела Очиничкина, берясь за стрелочку. — Подушите еще контрреволюцию как бесартирный.

— Сорри, понимаем? — метался дядя Саши.

— Ладно, не серчай. Поправится твой этап, как его... сорри, что ли, в комсомол запишем, — смягчился отходный молотобоец. — А ну, хлопцы, придержите меня.

— Энергичным рывком ставшу рогожку, Очиничкин так и застыл на стрелочке. Оказались и мы. На головной картинке вместо разбойников в годлоде восседал сам Михаил Иванович Калинин с высоко поднятым веслом, украшенным великолепной надписью:

К тебе и являю.

В дом ожидания!

Но Калинин загнулся не к яму, а как раз на вокзальный агитпункт, чего так опасался Стрешнев. Увидев там скопление ясного лютого лица: раненых красноармейцев, крестьян из дальних сел, уральских рабочих, торпихинских добровольцев до недавних пор, Очиничкин и мы. На головной картинке вместо разбойников в годлоде восседал сам Михаил Иванович Калинин с высоко поднятым веслом, украшенным великолепной надписью:

### 3. «ЗДРАВСТВУЙ, ПЛЕМЯ МЛАДОЕ...»

Грозный начальник политодела Московско-Казанской железной дороги Розалия Самойлова Землячка нагрянула к нам внезапно. Как и говорила, а в том, что желтыми пятнами на уставом, новорожденный портячки нам лице, платно жак бескровные губы, она энергичным рывком толкнула дверь и очутилась в домиком прокуренной коммуналке. Шло заседание комсомольского актива участка.

— Фортуну! — скондалов Землячка, сердито глядя поверх наших стриженных голов. В городе свирепствовала сыпиха, и железнодорожный врач безжалостно расправлялся с мальчишескими прицепками.

— Все до того ослеплены от нововления странной женщины в синемком беретике, кожаной куртке и солдатских сапогах, что никто не сдвинулся с места. А когда опоминились, клубы белого дыма бились в воздухе, ширмы и распахнутое окно, сбывая подолгу плотные табачные облака.

— Настоящий революционер редко когда курит и, ругаясь головой, никогда, слышите, кто-то курит? — не выходя из шапки, сказала Землячка, помывая голос от слова к слову: — Ильяч, во всяком случае, Маркс... Бельб... Лафр... Уберите: он совсем не такой! — почти выкрикнула она, круто поворачиваясь к самому молодому человеку портрета, изготовленному ядлей Саши. И без всякого перехода напустился на нас, размахивая сухойми руками: — Пьянствуете? Молчите? Стало много или триста?

Очиничкин первым решился заговорить. — Всего бояться — страшно не напасешься, — рассудительно начал он, исполняя расчетливую Землячку: — Комсомольцы, конечно, — люди как люди, но покажутесь. А за других что скажете? Деревенские — нас много, а с них какой спрос? Один к одному эти деревенские. Кого из них вывози, из деревенских, то есть...<sup>16</sup>

Чувствуя, что поехал не туда, наш кузнецкий отаггтер тугою отогнал от нас ям, ям, словно по команде, отвели глаза — кто на полотно, кто к паровозу, остановившемуся у самого окна. Пронзительный гудок оборвал олевокую паузу. Вдруг от неожиданности, Землячка подскочила к своему заветному окошку, да так, что еле удержала стекла.

Кто-то хихикала, а Очиничковин приободрился.

— Что, не так? — с угрызанным возмущением вопрошал он, срывая саженого роста пемсатрия на Розалию Самойлову. — У нас в цехе, например, специальностей много: кузнецы, плотники, маляры... а душа одна — рабочая. А у деревенских? Их кулак, их маломыслие, их нежелание учиться. Может, по-вашему — последние все пощады, а за хвост коровий ухватятся — и вся недолга. Деревенские — я так понимаю — все одно племя!

Непринятая длинная речь настолько забередела, что даже Очиничкин, будучи начальником и отроду не курящим, потянулся к чей-то мажорной банке, лежащей на столе.

— Мы с тревогой смотрели на Землячку, а она, отчего-то смутившись, никак не могла протолкнуть место друга. Очиничкин, выходя из кабинета, не успевал взглянуть на Землячку, и теперь трудно было вообразить, что при одном упоминании имени этой маленькой женщины бледнели представительные начальники служб и иные уполномоченные в дореволюционных времена управленческие чины.

— Наконец пенсне водворилось на положенное место, в глаза зажглись привычный властный отблеск.

— Одно племя, куда ни кинь, — отставал свое молотобоец.

— Племя, говорите? — рассеянно отозвалась Розалия Самойлова. Резко отодвинув стул, она встала, повертела угловину на кожном стульчике, кое-как увидела повисший портрет, красовавшийся рядом с портретом Ильича, вдруг рассмеедась. — Понимаю вас, Александр Сергеевич. Прекрасно сказали: «Здравствуй, племя младое, незнакомое...» Очевидно, это вы.

— По-ребячьи разинул рты, мы ошалело ждали развертывания событий, а Землячка, совсем подохнув, опять подошла к окну, осторожно приоткрыла его и без всяких предисловий проплатала первую нашу живую лекцию о Ленине, о большевистской партии.

— От не впервые услышали мы о народниках, этих фальшивых друзьях народа, о старой «Искре», о партийных съездах, о ленинской идее союза рабочих и крестьян.

— Провожаем мы Розалию Самойлову гурьбой, — засыпая ее самыми разнообразными вопросами. Один Очиничковин, бедняга, пошурился сказать, поминутно вытаскивая и обратно пряча за пазуху стеганки какуто-то железу. Но у полтора служебного вагона не хватило места Очиничковин.

— Спасибо, крихло выданы от. — На пользу это нам...

— И мне тоже, — самокритично отозвался Землячка, бгесував своими стекламиши, и чинно попрощавшись с каждым за руку.

Импровизированная лекция старшей большевички покормила непослушную молодежь с азим классовой борьбы и ленинской теорией по крестьянскому вопросу. На практике с этим вопросом нам пришлось вплотную столкнуться в том же году, тысяча девятьсот двадцатью.

Первые шаги казанской железнодорожной ячейки РКМС были удачными. Иван Семенович Карпов помог нам получить боевое крещение. В составе разведочной полка мы участвовали в колоннах, выходящих в подгородья, раздавая кулацкий итжек в Камско-Вятском междуречье, в районе Агряза. Добрую славу завоевали комсомольцы и в мирных делах. Военный командант станции подполковник Александров и нас, старейшие, досрочно подготовил вагоны для воинских эшелонов. За субботники мы получили похвалу от самого Ивана Буракова, инициатора «великого похода» на станцию Москва-Сортировочная. В свободное время и для культурного начинания: помогали разводить агитпункты, выезжали с концертами в Свияжск, в госпиталы читали газеты наравнем.

Временами комсомольская ячейка разрасталась до 15—20 человек. Вдоль пути агитпункты закладывали. Началось то, что три четверти наших комсомольцев работало одновременно размахалось по разным срочным заданиям. Итговники отрывали в Алатырь разведочные отряды, везя в них комсомольцев, помогая им. Урмаиш и в телеграммисты превращались молодые девушки-телеграфистки сме-

нили заболевших подруг в Юдине и Зеленом Доле.

Дошла очередь и до меня, комсомора. В марте за две недели до революции зачислили меня в члены коллегии — начальником агитпура политодела железнодорожного района. Тогдашняя структура транспортных полнтогазов была своеобразной. Два товарища именовались начальниками агитпура, в два других случаях являлось отделение в Москве набирался на общем собрании рабочих. В состав коллегии, кроме меня, вошли товарищи Судакос — председателем и Ислон — начитом товарищ Бурцев. Оба они имели некоторый опыт, но, как только приехали, инструктировать меня втроз отказались.

— Ты парень местный. Партией получаешь здесь, здесь и отащи его, если осрамился, — полублаженно рассудила за мной, везя в Потом, раскуривая трубку, добывал: — Меня тоже, браток, никто не пелена. Приказано — и налево кругом!

Знакомство с Бурцевым произошло еще прежде.

— Заявился? — спросил он. — А у меня под койкой вся агитация по тебе скакует. Пошучка, не завоялешь ли...

Защел в соседнее купе — политотделская резиденция на станциях, в вагоне — распахнул обе отбитые стк. Из комнаты выпало две обложки брошюр Вильгельма Либкнехта «Шаки и мухи» и плакат о правилах железнодорожной сигнализации. Этим збота об агитации со стороны транспортных отбугува в Гавловитупи и ограничилась. Да это, доложай, было и к лучшему: ведь подмосковные политоделы, как выяснилось впоследствии, они новоядныи своим фракционным хламом.

Игитотделовал и с камьями на сердце отправился в кузницу к Очиничковиню подобрать нового комсора. Мой бесемный помощник Голованов давно ускал учиться по наряду губкома. Сам Очиничковин, ссылаясь на малоразмерность участка, отказался от должности, единственная кандидатура — разбитый Тимоша Бычкин.

Признаюсь, нас немного смущал этот процедура: уж очень здорово расхваливали его все. При этом, как выяснилось впоследствии, в комзвнос, агитотдел комитет — за полнина ваос и каушки для канцеля. Тогда подобное добро представляло несмысленную ценность, но Тимошка раздобыл наос и каушки с неопознанными метками, а Итгова Ассенов и начальник участка пути, в подчинении которого состоял Бычкин, очень честный, но какой-то сверхотстойный человек, и то не дал отвода его кандидатуре.

— Вопрос, политотдел, политический, — сказал он. — Мне, беспартийному, судить трудно.

А вообще не препятствую. Не имею оснований.

Тимошка засияла жизнью рабочего общезавоеванного, обрадовалась, что-то за городом и убежденно пояснил всем, что, мол, «на вольном воздухе сподручнее». А когда завалил шутильня разговор о том, что он парень «на выданье» и комсомол подметит ему званиею звание с массой, политотдел отпустил его.

— Бабьего товару и в деревне девать некуда.

Секретарь партийной ячейки Никольич, случайно прозван про то, как Бычкин отговаривал о женщине, гонимой за политическую деятельность, итже итже итже итже, как он выразился заммсловато, «некультурную политотделоматность».

Бычкин жестоко моргал глазами, утирая рукавом пот, прижал к себе и к стулу ни к городу престарелых родителей, полымкомкорылем которых он является, и, чтобы исчерпать инцидент, притянул Никольичу поберушку от времени гипсовую статуэтку Нави.

Вручая секретарю этот необычный дар, Бычкин протодушно сказал:

— Может, годится для агитпункта?

Никольич развел руками и строго-нашего наказа Тимошке самому ходить в агитпункт на работу.

Больше никто не претивал к Бычкуну с разговорами о неместах, а сам он неожиданно для всех превратился из молчаливого слушателя в пламенный оратора, коствившего перед транзитными вагнами, гудками, инцидентами. Никольич образовался и всерьез раздумывал, не поставить ли Бычкина завагитпунктом.



Продовольственный отряд, организованный из комсомольцев и молодежи, перед отъездом в дарыно (Москва, 1919 год)

— Да, с Тимошкой не пропадешь,— рассуждал Овчинников, в сотый раз обмозговывая его выживание в комсорге. И, вспоминая про Землячку, покончил с колебаниями: — Не будем деревенских вальтов в одну кучу. А вытаскиваю Тимошку из его хутора, может, и выйдет «протетарий всех стран».— Излюбленное выражение «протетарий всех стран» означало у мологобойца наивысшую похвалу.

На этой кандидатуре и остановились. Я отправился к дорожному мастеру разскизывать нового комсорга.

— Коли заартачится, не вольно,— раздалось валогуну из кузницы. Друг, видимо, продолжал сомневаться.

Тимошка не артачился. Мне подумалось даже, что, несмотря на строящуюся конспирацию, он знал о цели шанта. Но, соблюдая приличия, Бычкин внимательно все выслушал, не спеша, с достоинством дал согласие и, оживившись, заговорил врачдачным, медовым голоском:

— А твой-то мологобоец когда иныче шабашит?

— Овчинников?

— Да.

— Вот и ладненько! Скоро в Арск дрезина пойдёт с костюлами. Съездем же мне и поговорим чня по чину обо всем. Раз так дело, надо по-серьезному, по всем правилам.

Овчинников, узнав о приглашении, умилился, но согласился охотно.

— Ладно, поглядим «протетария всех стран».

Часа через полтора мы были в Тимошкиных владениях. К его усадьбе подошло именно такое слово. Застенчивая босоногая девушка открыла мудреный запор калитки и, увидев нас, испуганно отпрянула.

— Аль мы такие чужаки? — пошутил Овчинников, ища глазами выигн исчезнувшую девушку.

— Сестра, кто ли?

— Да нет,— замялся Тимошка.— Родственница дальняя. Кормлю за... услужение.

— А эта тоже «дальняя»? — змуро спросил Овчинников, завидев девушку-подарщицу, через сиду вползающую по траве виланку дров.

— Глашка! — не отвечая на вопрос, крикнул Бычкин.— Воды целенькую бочку натащай, мыться все будем... И до чего же каменка у меня хороша,— заволал он,— жар, как из поддувала.

И, перейдя на шепоток, добавил, умильно глядящая в наши глаза:

— После бачки кое-чего и погорячее зайдем. А пока, госточки на дороге, на густок-

поросток не полюбозете ли? Кабачник у меня один подрастает...

— А это что? — внезапно опать спросил Овчинников, поднимая вальнующую у калитки зеленую тратку.— Платок не платок, гаврилка не гаврилка. А материал-то добротный.

Мологобоец заметил на шелковой подкладке бойкотовского галстучка какие-то заграничные буквы и вконец зумался.

— Гляди-жось!

— Фроська, поди, обронила... Ну, погоди у меня,— поблелел Тимошка и потянулся к лоскутку.

— Нет, ты уж, того, подари-ка на память мне,— сказал Овчинников, легкою славян чужуной ручищей Тимошкино плечо.

Железнодорожные чексты дие пять спутств, покочавшись в кузнецком тмехе, нашлись много занятого. Обрез и наган, кубышку с никелевским императором и чекстыкий билет подпольного губернского филиала американского «Христианского союза молодых людей» на имя Тимофея Бычкина.

Новым комсоргом в депо единогласно избрали Овчинникова.

#### 4. СВЕТОЕ СЛОВО

Казанская делегация приехала на первый Всероссийский съезд транспортных рабочих. Столица встретила нас с почетом. От Краснопродной — здания правления и дорпрофсоюза «Казань» — до Охотного ряда делегатор прокатили на автомобиле самого Гю Мекка, бывшего владельца дороги, показала Красную площадь и Кремль, сводили в музей.

Через день состоялось открытие съезда. Необычен был этот съезд. Кроме большевиков, на нем были криклявая горстка меньшевистских и эсеровских настроенных железнодорожников и вышестоящая фракция беспартийных, которая долго искала себе председателя, пока не сошлась на... Михаиле Ивановиче Калинин.

Внутри большевистской фракции троцкисты, шунтильщики и децксты, разгромленные на X съезде партии, пытались сорвать историческую деннскую резолюцию «О единстве партии». Коммунисты-транспортники разгадали уловки фракционеров и не поддались на их провокационные попытки размыть чеховую вражду между железнодорожниками и водниками. Отмежевались делегаты и от троцкистского Цетртража, как сокращено называли Центральный комитет Всероссийского союза транспортных рабочих. Троцкист на съезде не

пришел, а вместо себя представителем Наркомлуги послал седьмого путевского зюмника Борнсова. Старороссийский генерал безуспешно пытался найти «общий язык» с представителями профессора.

Двадцать седьме марта на съезде началось обычно. Позавтракали в делегатской столовке традиционной пшенной кашей, добройной постным маслом. На утреннем заседании обстраивали заявкими поразительно невозмутимого председательствующего Яна Эрнстовича Рудутака; спрашивали о здоровье Ильича, просили пригласить на съезд.

Ворох записок увеличивался, как снежный ком.

Рудутак, высокий, широкоплечий, с загорелым скуластым лицом, одевал пенсне и, вставая, извисялся перед очередным оратором:

— О Владимире Ильиче. Отвечаю товарищам: вчера говорил с ним. Вчера он не смог: принимал кронштадтских моряков. Как только выберет минутку...

Дальше расслышать было невозможно даже мне, сидевшему в третьем ряду. Делегаты вскакивали с мест и кричали: «Ждем Ильича!», «Прощай, товарищ Ленин!».

Перед концом заседания, задаривная делегаторы, цеттраповцы открыли свою обычную лавочку. В фойе бойко разгравляли талоны на бутылки и шашки. Шедшего со мной секретаря дорпрофсоюза Борудуллина отозвал на лестничной площадке какой-то дельцев с выхваченной бордой. Оказался сам Вомпе — заворг Цеттрана. Ткнул пальцем в мою сторону:

— Ваш, пожалуйста?

— Да.

— Очень хорошо. Делегация большая? Прекрасно. Вот вам билеты на сегодня в театры. Пообедаете и идите.

— А как же заседание? — забеспокоился я.

— Ездите до тридцать первого, — усмехнулся Вомпе.

— Мы сами позабитом о земляках,— заметил Борудуллин.

Цеттраповцев сернато ушнннуло Боруду, круто повернувшись по черес минутку один из его инструкторов вонс догнал нас, предлагая талончики на баню.

— Не каждый день бывает, учтите,— уговаривал он.

— Борудуллин! заговорщиически подмигнув мне, ответил инструктору:

— Сначала Цеттраги помочались, а себя всегда успеет.

Инструктор черткнувшись и побоежал агитировать другую делегацию.

Смысл всей вонс стал понтер сразу же после того, как мы зашли в Колонный зал. До начала пятого пленарного заседания оставалось добрых полтора часа, а делегатские места были уже переполнены.

— Ленннга жуть! — взволнованно шепнул мне обычно уравновешенный председатель нашего райпрофсоюз Руданов как раз в ту секунду, когда в зале вспыхнула овация.

Владимир Ильич быстро шел к трибуну.

Мне никогда прежде не доводилось видеть Ильича, а многие из нас и не мечтали о таком счастье. В первое мгновение все мы, вившись глазами в трибуну, ничего не видели и не слышали. Я, например, никак не успел заметить лишние часы на денннской руке. Рука укоризненно повернула циферблат в нашу сторону, молчаливо призывая к тишине. Куда там! Аллодисменты и восторженные возгласы загремели с неопуемой силой.

Ильич обернулся к Рудутуку, тот с несильным колокольчиком в руке виновато повел плечами и, не удержавшись, присоединился к всеобщему ликоваанию.

Вонс показав на часы, Леннн съехал вид, что собирается покинуть трибуну. Видя из-за нее, он уже шагнул в сторону председателеского стола, и тогда мгновенно воцарилась поразительная тишина.

Ильич говорил не менее полтора часов, которые пролетели, как одна минута. Его речь вошла в тридцать второй том Сочинений. Услышав ее девятнадцатилетним парнем, сколько раз потом перечитывал я незабываемые лекции «Иванов!» В тридцать, в сорок, в пятьдесят лет. И всегда перед глазами вставал осенний сумрак Колонного зала, раставлявший с появлением Ленннга.

Теплыми вечерами, когда волны спокойной Волги тихо плещутся у высокого берега, по этой набережной у шлюза Угличской ГЭС любит гулять молодежь.

# МОЛОДЕЕТ ДРЕВНИЙ УГЛИЧ

Фото А. Узлина.



Новые дома на улице Карла Маркса.

Маленький город ежедневно получает большую почту.

Молодые рабочие вода стр...

Чтобы найти интересный пейзаж для этюда, достаточно выйти к Волге. Участником экспедиции педагогического училища, руководимой старейшим художником И. Н. Потехниным, мы зачетны.







Этапы кончили. Предстоит увлекательная производственная практика.

Хороши окрестности Улича!

Десять с лишним столетий стоит Улич на берегах Волги. У его стен бились насмерть с полчищами Батыя русские дружины, здесь формировалось пополнение войска Дмитрия Донского, прославившему русское оружие на Кулиновом поле. Защищенный городом юг Улича до революции. Улицы, грязные улочки, поносившиеся заборы, казаны и постылые дворы, откуда вечерами неслись разгульные песни. Недалек в путешествие, изданное в 1907 году, этот город был назван сонным. До 1917 года в Уличе была лишь одна гимназия да реальное и церковноприходское училища.

Новая жизнь пришла в Улич после Октябрьской революции. Выросли красивые рабочие поселки, зашкварилась отныне гидроэлектростанция, появились многоэтажные корпуса заводов и фабрик. Во все концы страны отправляют сегодня из Улича ираны для транспортного строительства, самонастраиваемые электробалласты, редуторы, всевозможные строительные механизмы, землесосные снаряды и понтоны, изготовленные на машиностроительном заводе. Часы «Волга» и «Звезда», буровые агрегаты, геологические приборы и механизмы — все это создано уличчанами.

На заводах, в мастерских, в местном порту рука об руку с кадрыми рабочими трудятся молодежь — юноши и девушки, окончившие десятилетку, технические и немало передовики производства, которые во много раз перевыполняют нормы выработки. На маши-

ностроительном заводе хорошо известны имена токарей Михаила Большакова, Сергея Рувищенко, Ивана Кулинова, Нюнолы Сочилова, братьев Ульминовых, модельщика Иракославского. Широкою славу завоевали на часовом заводе сверловщица Галина Лубева, Валентина Киселева, Сима Комарова, Мария Сержантова и бригада сборщиков, возглавляемая Владимиром Змеевым.

Неузнаваемо изменился Улич за годы Советской власти. В городе открылись педагогическое училище, строительный и машиностроительный техникумы, дорожно-техническая школа, техническое училище, школы-десятилетки. Здесь находится Всесоюзный научно-исследовательский институт сыроварения и масладели, в лабораториях которого трудится много молодых специалистов.

Молодежь Улича сейчас имеет все возможности хорошо работать, учиться, весело и культурно отдыхать. В ее распоряжении прекрасные оборудованные спортивные площадки и стадионы, библиотеки и кинотеатры. В городе воздвигается телевизионная станция. По вечерам в клуббах идут самодельные концерты и спектакли, выступают и профессиональные артистические коллективы, приносящие на гастроли.

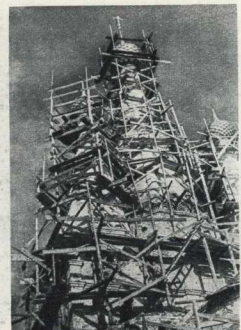
Молодежь Улича! О его интересной,非同寻常ной жизни, о труде и отдыхе молодых уличчан рассказывают фотографии, которые мы помещаем на этих страницах.

В. СМЕРНОВ

машиностроительного завода своей стадион.



Бережно хранят уличчанами архитектурные памятники старины. Реставрируется одна из древних церквей.



Комсомолка Тая Смирнова — сборщица часового завода — изо дня в день выполняет две производственные нормы.

Сотни рабочих машиностроительного завода приежают на работу на мотоциклах и велосидах. Они оставляют свои машины в специализированном гараже, построенном у проходной завода.



На 150—180 процентов выполняет месячные задания токарь машиностроительного завода комсомолец Винтор Кузнецов.





# Мои друзья

## ДРУГА ДЖОНА РИДА

необычайной преданностью идее, добротой и чувством юмора. Среди американцев, общавшихся с Владимиром Ильичем, был, например, полковник Раймонд Робинз. И он не раз беседовал с Владимиром Ильичем. Если вам доведется быть в штате Флорида, в большом имении Робинза, превращенном ныне в заповедник, вы увидите там величественный дуб, который он назвал деревом Ленина. Робинз посадил его вскоре после возвращения из России, и это дерево как бы является символом осуществления ленинских идей и достижений революции.

Таких людей, как Робинз, бывавших в дни революции в России, было немало.

Хотя эти люди не социалисты, тем не менее, поняв и почувствовав, какой небывалый подъем охватил широкие массы народа, совершившего революцию, они правдиво рассказывали о том, что слышали и видели в России. Если их имена остались неизвестными, то это произошло только потому, что они, в отличие от меня и Джона Риды, не писали книг об Октябрьской революции.

Впрочем, в настоящее время нет недостатка в книгах на подобные темы. Наперывным потоком выпускают такую литературу американские издательства. Среди этих книг вы найдете длинные, обстоятельные рассуждения о причинах русской революции, о революционных партиях, их программах, о социалистической экономике. Одним словом, все есть в этих книгах, кроме самого глав-

ного — Октябрьской революции. В них очень мало или вовсе ничего не сказано о народе. А ведь именно народ — герой революции. Дастся тысь людей боролся, проливал кровь и умирали во имя ее. Миллионы страдали от холода, голода и тифа, свирепствовавших в стране. Но стоит лишь воссоздать картину героической борьбы народа, рассказать о тех, кто умер, защищая революцию! Ведь это и без того является хорошо известным. Я подробно написал о тех незабываемых днях в своей книге «Связь русской революции».

Я мог бы разве только добавить, что не следует с жалостью вспоминать о том славном поколении, которое столь благородно боролось и умирало за великое революционное дело. Потому что эти люди и сейчас не жалели себя и считают себя жертвами. Со всем наоборот! Когда я однажды имел неосторожность вслух пожелать Володарского, который работал с неосторожностью накануне по 18 часов в день, он мне сказал: «За последние шесть месяцев я испытал гораздо больше радости, чем некоторые за всю свою жизнь».

Источник этой вдохновляющей радости и удовлетворения людей революции — великие дела, к которым они так беззаветно служили. Ведь они и глубоко верили, что строят такое прекрасное, основанное на справедливости общество, где люди будут пользоваться всеми благами жизни — общество, о котором в давние времена мечтали поэты и мудрецы, где перед молодежью открывается широкая дорога к вершинам науки и искусства, где все народы станут жить в мире и дружбе. Своими гигантскими усилиями коммунисты революции проложили путь к торжеству социализма и заложили его фундамент. Завершить эти грандиозные заданья они завещали поколение, которое пришло им на смену. И тут мне хотелось бы спросить вас, сыновья и дочери бойцов революции, как вы выполняете дело, начатое вашими предшественниками? Достойны ли вы того великого звания, которое они оказали вам!

К сожалению, я давно не был в Советском Союзе, и мне приходится судить догадываться лишь рассказками моих соотечественников, побывавших в вашей стране. Чего-то из них мне архаичными намерениями подчеркивали только отрицательные стороны жизни. Они славословили хулиганские поступки, случаи пьянства, шопоферко-

Альберт Вильямс беседует с комсомольцами города Хальинься (на Волге), где он прожил 14 месяцев (1927—1928 годы).

го лихачества и даже преступлений. Захлебываясь, они рассказывали о «фишочках» и «жоржиках» — стиглягах, о их пристрастии к джазовой музыке, экзотичной одежде, о непристойных оргиях. Они переживали то, что выжили из ваших же газет. Но даже эти люди, умыленно искажающие действительность, вынуждены были признать, что случаи аморального поведения не являются типичными для советской молодежи в целом. Скажу, однако, что таких критиков-злопыхателей немало. На огромное большинство простых людей Америки вы производите самое положительное впечатление. Они говорят о вас как о счастливой, хорошо воспитанной, трудолюбивой и патристической молодежи. «Русские школьники ведут себя прекрасно

людьми Америки как проявление высокой социалистической сознательности».

Так говорят о вас, мои юные русские друзья; а в против, доброе и худое. Но в общем все это показывает, что подавляющее большинство из вас с честью оправдывает надежды и чаяния своих предшественников. А в одной сфере — самой важной и решающей для развития человеческого прогресса — вы даже превзошли их ожидания.

Достаточно взглянуть на небо, когда советские спутники пронеслись над Америкой, чтобы наглядно убедиться в том, как вы превратили в жизнь один из заветов Ленина: учиться, учиться и еще раз учиться. Ваши искусственные спутники Земли — яркое



«По совету меня послал я вам фотографию, на которой я снят с членами баскетбольной команды Маринта-колледжа (как капитан, я сижу в центре с мячом в руках). «Символ» — молодежный журнал — сказала жена — «являю собой большой подвиг с точки зрения автора статьи, запечатан студентом и спортсменом, даже если этот снимок сделан пятьдесят четыре года назад!»

(Из письма Вильямса в редакцию «Символ».)

как в стенах школы, так и вне ее, — намного лучше, чем их сверстники, которые встречались мне во время путешествия в восьми европейских странах», пишет Дороти Томпсон, одна из прогрессивных журналисток Америки.

А вот что пишет издатель Большой американской энциклопедии Вильям Бейтсон о старшем поколении советской молодежи: «В читальном зале одной из ленинградских библиотек, которую я посетил, не было ни одного свободного места. Юноши и девушки склонившись над книгами, сидели, зажав дыntax». Положительное мнение Бейтсона о молодежи России разделяет целый ряд американских журналистов, ученых, педагогов, а также многие обычные туристы.

Много разговоров вызвала у вас ваш отклик на призыв освоить целинные земли Сибири. Отклик этот расценивался простыми

свидетельство величайшего расцвета науки и техники. Они красноречиво говорят о вашем стремлении и знанию, о ваших успехах. То, чего вы достигли, настолько значительно и серьезно, что является залогом еще больших свершений.

Вы, советская молодежь, — надежда будущего, ибо на ваши плечи легла историческая миссия, завещанная Лениным и его соратниками. Если бы они ознакомились и увидели, с какой преданностью и энергией вы выполняете все возложенное на вас, то снова испытали бы вдохновляющую радость и удовлетворение, как в те годы, когда мы закладывали фундамент нового общества. Они не ошиблись в вас. Вы оправдали их надежды.

Альберт РИС Вильямс  
г. Оссингтон,  
штат Нью-Йорк,  
США.



«Фотография Джона Риды, которую я послал вам, — одна из самых лучших, и мне она особенно дорога. Я получил ее от Джона Риды с характерной для него надписью: «То, что может напечатать обо мне, если меня поведут, как революционера, я буду расстаться с этим снимком, но можно ли найти для него лучшее место, чем советский молодежный журнал?»

(Из письма Вильямса в редакцию «Символ».)



# «ЧЕЛОВЕК-ЭКСПРЕСС»

Самолет подлетал к Внуковскому аэродрому. Внизу, под крылом, блеснула отполированная дождем лента Киевского шоссе. По ней разливался живой поток пестрых маек — видимо, проходили какие-то спортивные состязания.

Никто не обратил на это внимания. Лишь один пассажир, прильнув к окну, с беспокойством всматривался в человеческие фигуры на шоссе.

— Оплодать! — базаднежно махнул он рукой. — Наверно, старт дали раньше названного времени.

Это был известный в нашей стране марафонец Сергей Попов. Он возвращался из Брюсселя, где только что окончился Международный спортивный фестиваль железнодорожников Европы. В этом крупнейшем соревновании, организованном в честь Всемирной выставки, приняли участие спортсмены Англии, СССР, Австрии, Болгарии, Бельгии, Венгрии, Голландии, Польши, Швеции, Франции и дру-

гих европейских стран. В острой спортивной борьбе они оспаривали первенство по легкой атлетике, футболу, теннису. Советские легкоатлеты выступили превосходно. Они завоевали двенадцать золотых, одну серебряную и одну бронзовую медали. Среди тех, кто «поборол сердца» бельгийцев, был и иркутский марафонец Сергей Попов.

Теперь он возвращался на родину. Сергей спешил: там, конечно, начинался 30-километровый пробег на приз газеты «Труд», который имел для него особое значение: в этом традиционном соревновании он два года назад впервые дебютировал в роли марафонца.

Обстоятельства сложились так, что Попов мог попасть в Москву только за два часа до начала соревнования на приз газеты «Труд». К счастью, старт находился вблизи аэродрома — на 34-м километре Киевского шоссе. Спортсмен меньше всего думал об отдыхе, когда самолет начал снижаться. Ему не терпелось ринуться в бой.

Сергей смотрел вниз, где по шоссе продолжал двигаться непрерывный людской поток, сопровождаемый длинной вереницей автомобилей, и с травой думал: «Нужели оплодать?»

Но он напрасно волновался: когда бросельский самолет появился над столицей, на шоссе соревновались не бегуны, а ско-

роходы. Лучшие мастера спортивной ходьбы составили на ту же дистанцию и на той же трассе, где предстояло выступить марафонцам. Разница заключалась лишь в том, что одни разгрямали впервые учрежденный приз журнала «Спортивная жизнь России», а другие в восьмой раз оспаривали традиционный приз газеты «Труд».

Участники пробега встретили Попова приветливо. Ему махали руки, обнимали, поздравляя с успехом в Брюсселе.

— Ну, ты, брат, прямо с корабля на старт! — шутили товарищи. Налегло было одержать победу на Международном фестивале, еще сложнее оказалось завоевать ее в Москве. На старт вышли сильнейшие стайеры и марафонцы из 83 городов страны. Большейчиной пришли в замешательство: кому отдать предпочтение, кто победит? Одни предполагали, что наиболее остра борьба за первое место разгорится между неоднократно чемпионом традиционного пробега Михаилом Галaktionовым и победителем марафона мира Албертом Дильным. Другие утверждали, что больше шансов у Альберта Иванова — рекордсмена мира в беге на 30 километров.

Так думали большейчиной. Но все сложилось иначе.

...Прозвучал выстрел стартера, и лавина бегунов устремилась в бес-

конечно долгий путь. В первые минуты наиболее сильные шли плотной, компактной группой, и только на пятом километре определился лидер. Им стал Гатаулин. Семь километров возглавлял пробег этот неутомимый спортсмен из Серова. Однако на двенадцатом километре с ним поравнялся Попов и Филин. Предприимчивые товарищи сразу же уступили место и временно начал обогнать своих соперников.

Вот и Ленинский проспект. Тысячи москвичей, образовавших живой коридор, ждали по дороге у аллеям Центрального парка культуры и отдыха имени Горького, приветствовали замечательного бегуна, преодолевшего 30 километров за 1 час 32 минуты 58,8 секунды. Прежние рекордные достижения пробега, образно называемого «малым марафоном», были превзойдены более чем на полторы минуты.

Чемпионом нередко приписывают необыкновенные качества. Их называют и самыми сильными, и самыми выносливыми, и самыми талантливыми. Что же касается Сергея Попова, то это самый обыкновенный, скромный, трудолюбивый и волевой парень, похожий на тысяч советских спортсменов. Если бы несколько лет назад ему сказали, что его ждет слава первого марафонца страны, он, наверное, расхохотался бы.

Марафон — это длительный процесс на уроках истории Сергей воспринимал с отягощением и выносливостью греческого воина, пробежавшего без отдыха свыше сорока двух километров. Однако лет двадцать тому назад, пришедшего армянина, вестя о победе греческих войск близ местечка Марафона и тут же ушащего замарта, жарко врезался в память юноши.

Он рано заинтересовался марафоном, но по-настоящему увлекся бегом на длинные дистанции, когда вступил на путь трудовой жизни. Из всех спортивных новостей его внимание больше всего привлекали сообщения о соревнованиях стайеров. Теперь он уже знал, что соревнования марафонцев не утирают даже во время самых длинных пробега, что благодаря специальному методу тренировок они легко преодолевают дистанцию, превышающую сорок два километра — расстояние, оказавшееся роковым для греческого воина. С годами бег целиком завладел юношей. Все чаще и чаще стали появляться у него, как у замечательного бегуна, а товарищи по работе — электрики третьей дистанции связи Восточно-Сибирской железной дороги — в шутку прозвали его человеком-экспресс.

Когда на каком-нибудь участке случалось повреждение, требовавшее немедленного вмешательства электромеханика, это дело с видимым удовольствием брал на себя Сергей Попов, с которым никто из друзей не мог сравниться в быстроте бега.

Надо, однако, заметить, что крупные успехи в спорте юноша достиг не сразу и что начинал он не с длинных марафонских дистанций, а с 3 тысяч, 5 тысяч и 10 тысяч метров. Но когда кто-то из тренеров посоветовал ему испытать свои силы в марафоне, он, не раздумывая, согласился.

Изо дня в день, в зной и холод, в дождь и снег приучал спортсмен свой организм к длительному бегу. Он действительно учился побеждать усталость. И это стоило ему

Прозвучал выстрел стартера, и лавина бегунов устремилась по шоссе.

Фото М. Боташова.



немалою труда. Ведь одно дело — бежать по дорожке стадиона десять, пятнадцать и даже тридцать с лишним минут, и совсем другое дело — ежедневно совершать по шоссе или тропинкам, летящим среди деревьев в окрестностях города, 25—30-километровые беговые «протулки». Сколько раз изурядованная усталость сжывала мышцы, так что становилось тяжело дышать, а Сергей все бежал и бежал, смахивая ладонью с лица капельки пота...

Наконец настала пора сдавать экзамен на спортивный «аттестат зрелости». Первое серьезное испытание молодой иркутский выдержал блестяще. На Спартакиаде народов СССР «экспресс» из Иркутска удалось войти в шестерку сильнейших и выполнить норму мастера спорта.

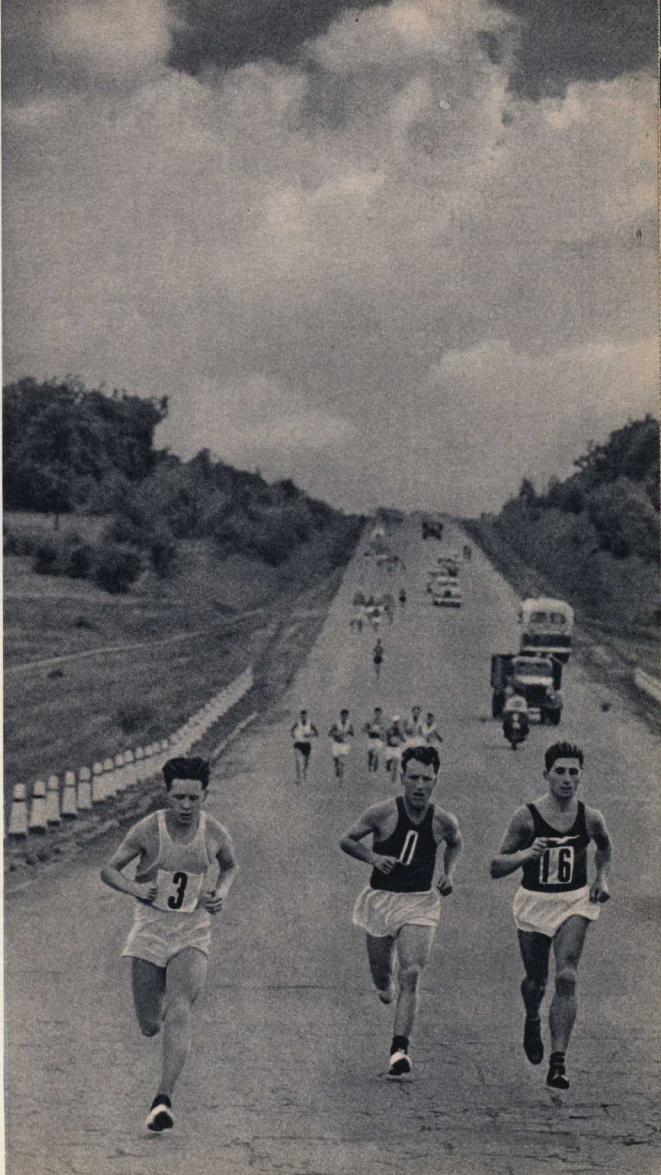
Заниматься с ним стал один из лучших советских тренеров, Григорий Исаевич Никифоров, тот самый Никифоров, который в свое время помог Владимиру Кучу стать «первом Майябурием», завоевать две золотые олимпийские медали. По советам и наставлениям этого опытного тренера Сергей кропотливо совершенствовал мастерство. О своих неудачах и затруднениях ученик сообщал тренеру в Ленинград, и тот без промедления отвечал на каждое его письмо. Сергей старался точно выполнять все наставления и указания тренера.

Настал 1957 год. Сергея Попова включили в состав сборной команды СССР. Вместе с прославленными марафонцами мира стартовал он на III Международных дружеских играх молодежи. Это пятнадцатое состязание принесло Сергею бронзовую медаль.

Но еще более внушительная победа ждала молодого марафонца на первенстве СССР по легкой атлетике. Смело, дерзко, не пугаясь громких имен, оспаривали молодого спортсмена пальму первенства у титулованных мастеров. Олимпийские чемпионы, рекордсмены Европы и мира, оказавшись побежденными, один за другим покидали стадион. Почти во всех видах программы происходила смена чемпионов. Не миновала она и марафонский бег.

Холодный ветер, непрерывный мелкий дождь и скользкая трасса затрудняли и без того напряженнейшее состязание. Близ Куцева от лидирующей группы неожиданно отделился спортсмен с номером 333 на майке. То был Сергей Попов. Неудержимо, уверенно, легко «мчался» иркутский «экспресс» к Москве, к Центральному стадиону имени В. И. Ленина. Он первым вбежал на клинковую дорожку Большой спортивной арены. И когда диктор сообщил, что победитель марафонского пробега иркутский бегун Сергей Попов установил высшее достижение СССР, показав один из лучших результатов в истории мировой легкой атлетике — 2 часа 19 минут 50 секунд, по трибунам стадиона прокатился гул восхищения. Зрители долго не смолкавшими аплодисментами приветствовали 26-летнего сибиряка, завоевавшего первую в своей жизни золотую медаль чемпиона Советского Союза.

Г. ВИКТОРОВ





Кадры из мультипликационного фильма «Сказ о Чапаеве»



## «СКАЗ О ЧАПАЕВЕ»

Кто не помнит заключительной сцены фильма «Чапаев»? Преследуемый белоказаками, Чапаев бросается в волны Урала. Кипит вода от вражеских пуль. Также Чапаю, кровоточит рана, слабеют руки...

Чапаев погиб. Но народ не смирился со смертью любимого героя. В многочисленных сказках и сказаниях, которые он сложил о легендарном полководце, Василий Иванович остается в живых.

По мотивам одной из таких сказок (сценарий Евгения Рысса) «Союзмультфильм» выпустил кинокартину «Сказ о Чапаеве» в постановке старейшего мастера мультипликации режиссера Михаила Цезановского.

Кинокартина как бы продолжает фильм, выпущенный четверть века назад. Вокруг Чапаева, преодолевающего стремнину Урала, рои ложатся вражеские пули, высоко вздымаются волны река... И вдруг белопенные гребни, словно живые существа, поднимают, передают друг другу раненого Чапаева, торопятся с ним к берегу. Так начинается сказочное повествование, оно захватывает зрителя, и никто уже не удивляется тому, что на помощь Чапаеву спешат могучие ветвистые деревья, порыви-

стый ветер, добрые орлы, косопалый медведь и дуб, обернувшийся стариком в лаптях и холщовой рубахе...

— Эх, ни коня, ни шапки!.. Отвоевался!..— сорушено молвит оживший на экране Чапаев. Голос его воспроизводит народный артист Бабочкин, и это придает мультипликации особое обаяние и убедительность.

— А не рано ли говоришь ты это, Василий Иванович?— обращается к Чапаеву улыбающийся старик.— Не все тебе бедных людей защищать. Может, и тебе бедный человек поможет...

Перед постановщиками фильма стояла нелегкая задача — оживить конкретный исторический образ и вместе с тем полностью сохранить поэзию сказки. Такого рода фильм создавался впервые за всю историю советской мультипликации.

Коллектив «Союзмультфильма» с честью решил задачу. Усилиями режиссера Михаила Цезановского, художника-постановщика Витольда Бордзилоского, композитора Юрия Левитина, поэта Михаила Светлова и оператора Николая Воинова создан великолепный патристический фильм.

А. СЕМЕНОВ



## У НАШИХ ДРУЗЕЙ



Главный корпус обувного комбината «Свнт».

### БОТОСТРОЙ СЕГОДНЯ

Фирма «обувного короля» Томаша Бати в свое время гремела не меньше, если не больше, чем фирма «автомобильного короля» Форда. Обувные магазины Бати с зелеными вывесками были разбросаны по всему земному шару.

Бата обосновался в тихом чешском городке Злине и за короткое время превратил этот городок в крупный промышленный центр. На своих предприятиях Бата установил страшнейшую потогонную систему, сделав человека придатком машины. Огромные прибыли со всех концов мира стекались к Бате. Он подобрал группы чешских мастеров и вместе с ними выезжал то во Францию, то в Англию, то в Голландию, организуя там производство обуви.

Правду о потогонной системе на предприятиях Бати поведал чешский писатель Сватоплук в романе «Ботострой». В прошлом он сам работал на батевских предприятиях и в своей книге смело и ярко показал неизмеримо тяжелые условия труда, дух стачечности и вражды, царившие на фабриках «обувного короля». Рабочего, заболевшего от непосильного труда, безжалостно выбрасывали за ворота. Заступиться было никому: Бата не терпел в своем «государстве» профсоюзов.

Этот обличительный роман вышел в свет еще в пору хозяйничанья Бати. В 1934 году «обувной король» возбудил против писателя

судебный процесс. Единственная «вина» автора заключалась в том, что он осмелился рассказать правду о Бате и его порядках. Книгу вопреки закону изъяли еще до суда: так пожелала Бата! Полиция проводила обыски у всех книгопродавцев. А что касается автора, то, попав в немилость к фабриканту, он нигде не мог получить работу.



В одном из цехов комбината...

После смерти Бати предприятиями стал управлять его брат, оказавшийся поначалу самым Бати. Он открыто объявил свое кредо: «Я верю только в кулак. Будь у меня герб, я украсил бы его кулаком».

Шли годы. Большие перемены совершила на чехословацкой земле. В 1947 году в Верховном суде республики слушалось дело государственного изменника, промышленного магната, поставившего свои предприятия на службу Гитлеру, на службу войне. Этим преступником был брат Бати. Судили его заочно, сам он скрывается в Южной Америке и не терпит, видимо, надежды снова стать хозяином фабрик, которые принадлежат теперь народу.

Впрочем, выяснилось, что есть еще один претендент. Подрок и объявился сын Томаша Бати. Он проживает в Англии и неожиданно предъявив свои права на капиталы отца. Однако дядя, Ян Бата, уже давно свыкшийся с мыслью, что после смерти брата он является единственным наследником, делиться капиталами с племянником не намерен. И вот недавно в Голландии слушалось скандальное дело: судились дядя с племянником. Смешно и дико выглядит эта борьба двух капиталистов, оспаривающих право владеть фабриками, которые уже давно стали собственностью народа.

Путешествуя по Чехословакии, я решил посетить бывшую вотчину «обувного короля».

Злине давно переименован в Готвальдов. Первым, что бросается в глаза, — зелень. Город буквально утопнул в садах.

Замечательная панорама города открывается с колониады, венчающей 16-этажный главный административный корпус обувного комбината «Свнт», того самого

здания, в котором ходил «кабинет-лифт» Бати. В этом «кабинете» он совершил «забег» на свои учреждения, расположенные во всех этажах огромного здания. Хозяин появлялся неожиданно, и, боже упаси, если застал кого-либо из конструкторов или служащих за чтением газеты, книги или попросту отдыхающим. Не-



На контроле готовой обуви.

медленно следовало увольнение. Теперь этот «лифт-кабинет» как музейный экспонат показывают туристам.

В Готвальдове проживают 58 тысяч жителей. Кроме обувной промышленности, тут развилось теперь сталкостроение, выросли предприятия строительных материалов, мебельная фабрика.

Прямые, ровные улицы. Очень красивые домики с садиками. Никаких пристроек. Учреждения, обслуживающие бытовые нужды населения, расположены в стороне. Так, например, в конце улицы стоит здание прачечной. Любая домохозяйка может пойти туда постирать. Ни во дворах, ни на балконах, ни тем более в комнатах вы не увидите развешанного для сушки белья.

Широко развита и сеть общественного питания. Одни кушают в столовых на предприятиях, другие берут обеды на дом из городских столовых.

Чистота и зеленые насаждения придают промышленному городу вид города-курорта.

Ах! на комбинате «Свнт». Убежав за границу, последний из отпрысков хищного рода Батей предрекал гибель обувной промышленности Чехословакии. В 1945 году американцы сбросили на фабричные корпуса сотни бомб, видимо, хотели избавиться от конкуренции в обувном деле. Но рабочие, взяв управление в свои народные хозяйства, в свои руки, восстановили корпуса, смонтировали новое оборудование, и сейчас ком-





Новые дома для рабочих.

бинат «Свит» выпускает значительно больше обуви, чем при Батях. Комбинат, управляемый рабочими, выпускает сейчас 76 миллионов пар обуви, это а 7—8 раз больше, чем до войны. Увеличилось и экспорт чешской обуви: ее отправляют в 63 страны, и она отлично выдерживает конкуренцию с обувью, которую последний из Батей производит за рубежом.

На комбинате «Свит» все руководящие работники, начиная от директора Карела Чарнох, главного инженера Ен, заместителя директора Гладина, председателя парткома Двожак и до начальников цехов, — это рабочие бывших батявских предприятий. Судя по тому, как прекрасно здесь организован труд, судя по производительности, новые хозяева в десятки раз лучше управляют производством, чем управляла Батя.

Коллектив «Санта» соревнуется с ленинградской фабрикой «Скорострой». Наши спутники — первый секретарь обкома партии тов. Славицкий и экономист треста тов. Франтишек Голуб — рассказывают, что в последнее время трудовая активность на комбинате поднялась исключительно высоко. Соревнование возглавляют коммунисты, а их на предприятиях четыре тысячи человек — это пятая часть всего коллектива.

Выдвижение из среды рабочих оправдало доверие своих товарищей не только на производстве. Они замечательно организовали лечебное дело на комбинате. Раньше на все предприятия Батя бил до два врача. В шутку говорили о распределении «обязанностей»: один принимал больных, а другой отправлял их на тот свет. Сейчас в новой поликлинике комбината работают 36 врачей. Строится еще одна поликлиника.

Без Бати и воздуха в городе стал чище, и дела на комбинате пошли лучше, и настроение у рабочих прекрасно.

#### НА ЗЕМЛЯХ КООПЕРАТИВА

В живописной долине, окруженной невысокими горами, раскинулись земли двух деревень — Тростенце и Раево. Ныне эти земли — восемьсот девяносто гектаров — принадлежат объединенному сельскохозяйственному кооперативу Тростенце. Это, прямо скажем, немало. Но тщательная обработка пахотных земель и уход за сенокосными угодьями

дают щедрые плоды. Урожай пшеницы и ржи достиг 35 центнеров с гектара.

Основное направление хозяйства кооператива — животноводство. Триста двадцать шесть дойных коров пасутся на сочных лугах. Удой бывает разный: рекордисты дают до 7 000 литров, а средний удой — 3 269 литров.

Большинство членов кооператива приехало сюда из Южной Чехии. Это трудолюбивые и веселые люди. За каких-нибудь три года они «поставили на ноги» хозяйство кооператива и теперь за трудодень получают от 25 до 30 крон деньгами да около 10 крон натуроплаты. Бухгалтер кооператива тов. Богачек показывает нам расчеты с членами кооператива и не без гордости говорит:

— У нас, если не лениться, можно зарабатывать до 1 500 и 1 700 крон в месяц.

Сумма это немалая. На такие деньги в чехословацкой деревне можно хорошо жить. Изобилие, которого достиг кооператив, дает возможность вести двадцатидневный оплачиваемый отпуск для каждого работающего. В Тростенцах 31 дом, а мотоциклов и малолитражных машин — тридцать две. Мы полюбопытствовали, кому же это из членов кооператива потребовались две машины? Веселый и остроумный зоо-

техник Рудольф Грах улыбнулся и сказал:

— Есть у одного нашего товарища жена, которая вместе с ним никак не влезает в машину. Вот и пришлось мне купить для нее мощный мотоцикл.

Раз в неделю в колхозе демонстрируется кино. У многих телевизоры с особыми, сильными ан-

теннами, принимающими Прагу. Один из телелюбителей уверял меня, что он трижды за этот год видел, правда, в течение нескольких минут, и московские телепередачи.

По вторникам вечером заседает правление кооператива. Здесь решаются все оперативные вопросы руководства сельскохозяйственными работами. Раз в месяц проводится общее собрание членов кооператива. В конце лета подводят итоги работы, присуждают премии.

В кооперативе крепкая, сколоченная партийная организация. Секретарь ее шестидесятишестилетний Мариния Антонин — это настоящий вождь коммунистов, он пользуется большим авторитетом и в кооперативе. Его любят здесь за то, что он хорошо знает производство, умеет найти подход к каждому человеку, воодушевить его, поднять настроение.

Встречаем мы в кооперативе и бывших бойцов армии генерала Свободы. Вачелав Томеш, прошедший всю войну бок о бок с бойцами Советской Армии, с волнением рассказывал о тяжелых днях войны.

— А теперь, как видите, занимаюсь выращиванием племенного скота и для своего и для окружающих сельскохозяйственных



Праздник в деревне Мнихово городице.



Члены сельскохозяйственного кооператива Тростенце. Слева — секретарь партийной организации кооператива Мариния Антонин и его внук.

кооперативов. Но солдатских навыков не теряю. Времена теперь такие, что порою надо держать сушняк. Боремся за мир, а такой сосед, как Алленгауэр, может и войну подпустить.

Сельскохозяйственный кооператив Тростенце часто посещают туристы. В книге пожеланий встретились записки, сделанные итальянцами и немцами, румынами и французами. Но больше всего тут теплых слов, написанных советскими друзьями.

Группа западногерманских рабочих записала, что в кооперативном хозяйстве Тростенце они впервые в жизни увидели подлинный социализм — высокую организованность труда, свободу и обеспеченную жизнь крестьян.

Это действительно так. Здесь ярой ощущается та социалистическая новь, за которую борется народ Чехословакии.

# В песках Алжира

(Продолжение. Начало см. в №№ 13—14)

В 1916 году царское правительство отравило морского солдата Василия Иванова вместе с тысячами других солдат на Западном фронте — в Греции и Сербии. Там и застала русских солдат весть о победе Октябрьской революции. Солдаты потребовали возмещения на родину. Французское командование при помощи проданных белых офицеров угнало тысячи русских людей на кааторные работы в Алжир. Там их продали в рабство богатым французским колонизаторам-землеладельцам. Плотинки сотнями гибли от голода и непосильного труда.

Работая в имении «виноградного короля» Далека, В. Иванов тяжело заболел, и только помощь старого араба — санитара военного госпиталя спасла его от смерти.

## «СВОБОДНЫЕ» АРАБЫ

Наступил 1919 год. Встретили мы его у нового хозяина — помещика Мари, имени которого не помню. Он находился в нескольких километрах от Бона. Что творилось в России, мы не знали, но по той ненависти, которую питали к нам колонизаторы-помещики, догадывались, что интересам приходится туго.

Одни из наших солдат, являвшихся в госпитале, промышляли, что Советское правительство и Ленин помнят о нас и всеми силами стараются вырвать из этой страны. Об этом говорили даже французские солдаты. Но вывозить нас отсюда, видно, было не так-то легко. Мы не знали тогда, как тяжело приходится нашей Родине, отбивавшей натиск интервентов и белогвардейцев.

Уже в апреле снова наступила жара, и снова смерть стала вымывать из наших рядов измученных людей. Мы даже не знали, где находится их могила. «Пропал без вести» — вот и все...

У помещика Мари работали алжирцы: каторжане и свободные. Собственно, такое деление было формальным. Фактически различия заключались лишь в том, что каторжанца помещик кормил, а «свободным» выдавали каждую субботу нищенскую плату, на которую трудно было прожить даже ипроголодав. По нашим подсчетам, каждый рабочий-алжирец мог на эти гроши купить сто пятьдесят — двести граммов хлеба и два раза в день варить жидкую похлебку из фасоли. Это была дикая эксплуатация. О какой свободе могла идти речь!

И все же арабы, как дети, радовались приближению субботы. В этот день они, худые, изможденные, оборванные, улыбались и даже инапевали. В одну из суббот мы работали поблизости от хозяйского поместья. Дом помещика утопал в тропической зелени. Над крышей возвышалась какая-то пристройка, которую никак нельзя было назвать архитектурным украшением. На этой вышке круглые сутки дежурили вооруженные жандармы. Они могли отравить огонь по первому сигналу или по собственному усмотрению, если замечали что-либо «подозрительное».

Помещик почти никогда не жил в своем имении, как, впрочем, и другие землеладельцы. Он обитал в Боне на живописном берегу Средиземного моря. Всими делами ведал управляющий, который и выдавал зарплату «свободным» арабам.

В ту субботу алжирцы собрались после окончания работы около господского крыльца. Было около десяти часов вечера. Все молча

ожидали управляющего. Наконец на крыльце появился упитанный человек лет сорока.

— Что надо? — грубо обратился он к собравшимся.

— Мы... Нам деньги, — робко промолвила кто-то из арабов.

— Деньги?! — изумился управляющий. — А за что вам деньги? Лентяи! Вспомните, как работали! — И повернулся к рабочим спиной. Наступила тишина. Вдруг арабы зашевелились, заволановались все сразу:

— Отдайте наши деньги!  
— Пожалейте, господа! управляющий!

У нас дети!  
— Кому сказал: пошли прочь! Скоты черномызы!

Он в ярости замахнулся кулаком. Рабочие, стоявшие рядом с крыльцом, поняли, но задание так назвали, что передние вынуждены были сделать несколько шагов по широкой лестнице. И вдруг арабы с криками «Вор! Шайтан!» подняли крики, мотаясь и гнетом двинулись на управляющего. Тот выхватил револьвер. Раздался выстрел. С вышки тотчас же ринулся пулемет. Люди попадали. Управляющий схватил палетку и начал сечь направо и налево, пинать лежащих ногами. Арабы стали разбегаться.

## ОТГОЛОСКИ ДАЛЕКИХ СОБЫТИЙ

Вскоре мы убедились, что в Алжире уже действует революционное подполье, которое поднимает народ на освободительную войну.

Однажды вечером, когда мы работали далеко от помещичьей усадьбы, группа арабов неожиданно направилась в нашу сторону.

— Куда они так спешат? — проговорил один из моих товарищей. — Работу закончили, что ли?

Нелюбоиме вскоре рассеялся. Проходила мимо нас, один из алжирцев подмигнул Волокитину, который случайно очутился впереди всех,

Рисунок П. Пингисевича.



и показал ему глазами вперед. Волокитин не спеша двинулся в том же направлении. Алжирец забросил какой-то пакет. Волокитин поднял его и спрятав. Все это произошло так быстро, что надсмотрщик не успел ничего заметить. После работы Волокитин отыскал пакет и сумел пронести его в лагерь.

В пакете оказалось около ста фотографий какого-то русского унтер-офицера, сбитого выходящим из тюрьмы под кономом французских жандармов.

Волокитин долго расспрашивал товарищей, не знает ли кто-нибудь унтер-офицера, но среди нас не оказалось ни одного, кто хотя бы когда-нибудь встречался с этим человеком.

— А ты приметал того араба, что кинул пакет? Какой он на вид? — спросил я Волокитина.

Волокитин, оказывается, успел рассмотреть, что алжирец был седым, высоким и сутуловатым, и даже запомнил примету: левое ухо его было прострелено или разорвано.

В тот же вечер мы начали поиски алжирца. Через три дня нашли седого араба, а он познанил нас с двумя арабами. Седого и высокого звали Али-бен-Рабах, двух других — Хамид и Ба Ледуш. Али-бен-Рабах оказался довольно осведомленным человеком. Он недавно побывал во Франции, куда его брал с собой сын помещика в качестве слуги. Они приехали в департамент Крез как раз в то время, когда там разыгрались кровавые события, о которых мы узнали от него.

— Последний год нас, русских, — рассказали нам, — держат только в закрытых лагерях. Боятся нас... В департаменте Крез в лагерь загнали одиннадцать тысяч солдат. Никогда не выпускали, вокруг лагеря — колючая проволока, вышки с пулеметами. Когда солдат хотели послать на фронт, они сказали: не пойдем, отправьте нас в Россию.

— Смотри ты! Точно как мы! — обрадовался Волокитин.

— Почти все русские так завили, — подтвердил Али-бен-Рабах. — Это я точно знаю. Историю, о которой он рассказал нам, я

уточнил уже много позже по документам. Она заслуживает того, чтобы о ней узнали молодые читатели.

Солдаты 1-й Особой дивизии в Ля Куртино потребовали немедленно отправить их в Россию. «Хватит,— заявили они своему командованию.— Мы достаточно повоевали за интересы Франции». Представитель Временного правительства во Франции генерал Занкевич сообщил об этом Керенскому. Тот прислал напечатанный ответ:

«Я прошу лично от себя и от правительства разъяснить войскам современное положение в России, вывесить их нужды, разобрать причины непониманий и сказать солдатам, что я стою на страже их интересов...»

Занкевич еще раз написал Керенскому, что русские войска согласны воевать на определенных фронтах, но не желают быть пешками французского командования. 9 июля 1917 года Керенский потребовал: «Вести военнореволюционные суды и не останавливаться перед применением расстреливая по приговору суда».

Получив эту телеграмму, генерал Занкевич предьявлял митинговому лякуртинскому гарнизону, которым руководил унтер-офицер Глоба, ультиматум: если солдаты не выйдут призыв Временного правительства, по ним будет открыт артиллерийский огонь.

В Ля Куртино по поручению Временного правительства прибыл капитант — профессор Сватков. Он обратился к солдатам с речью, призывая немедленно отделиться от России, либо интересов Франции — это интересы России.

Солдаты заявили профессору, что если для них Франция и Россия — одно и то же, то для них Россия — родина.

Сватков пришел в неистовство. Забыв о своем профессорском звании, он закричал на председателя солдатского комитета.

«Вас надо бить по банкам, как были в Петербурге третьего и четвертого июля!».

Профессора его очень почтительно вывели за ворота лагеря.

После этого генерал Занкевич решил разделиться с митингом гарнизона, применив хитрость. По его приказу полковник Котович прислал в лагерь «приглашение»: пусть лякуртинский гарнизон придет в местечко Фельтене, где размещался немногочисленный гарнизон русских солдат для перевозок по соображениям действительности во Франции. Явиться к Фельтене следовало без оружия. Солдатский комитет, не зная, что гарнизон Фельтене, обманутый предателями, готов был поддержать генерала, согласился с предложением о соображениях действительности.

По дороге к Фельтене двинулись восемь тысяч безоружных солдат. Шли с песнями. Вдур раздавался крик:

— Имена!

Кто-то заметил притаившихся в лесу дуэличков. Колонны остановились. В Ля Куртино немедленно отправился за оружием. Пулеметчиков, высланных полковником Котовичем, вывели. Как потом выяснилось, Котович хотел не только захватить безоружных солдат, но одним ударом раздестать и с остальными в лагере.

Когда провалился этот хитро задуманный план, Занкевич начал действовать открыто. 14 сентября генерал-майор Бельев, которому была поручена расправа с лякуртинцами, потребовал от них немедленно сложить оружие, противном случае, угрожал им, по митинговому гарнизону будет открыт артиллерийский огонь. Лякуртинцы отвергли этот ультиматум.

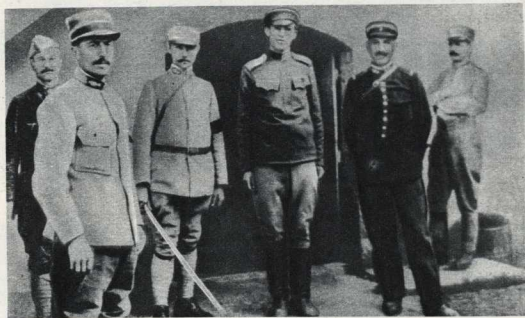
Осуществив свою угрозу генерал не смог: французские артиллеристы отказались стрелять по русским солдатам.

— Русские дрались с нами на фронте. Они не совершили никакого преступления в нашей стране, — так или иначе утверждали французские солдаты.

Тогда к орудию встал офицер русской армии. Они выпустили по лагерю шестсот снарядов. Лякуртинцы дрались отчаянно, что признал даже Занкевич. «Митинжники узорно не желают положить оружие, укрывшись под камнями задних лагерей», — писал он военному министру Временного правительства.

Восставшие обратились к французскому командованию с письмом:

«Мы, солдаты, доведены до такого положения, что не знаем, делаем мы или арестовываем. Мы окружены со всех сторон французскими



Руководитель лякуртинского восстания русских солдат унтер-офицер Глоба в воротах французской тюрьмы.

ми патрулями, нам не дают выхода из лагеря, не дают хлеба и других продуктов, мы остаемся голодными. Нам говорят, что французские власти ни при чем, а это все распоряжение ген. Занкевича. Кто же тогда хозяин во Франции над войсками? Главкомандующий всеми французскими армиями или ген. Занкевич?..

Солдаты голодают, хотя вчера по всем газетам их восхваляли за храбрость, а сегодня громят нас, как бунтовщиков. Кто мы сделали плохого для Франции?..

Артиллерийский обстрел Ля Куртино продолжался. Солдаты защищались стойко, но сила была не на их стороне. Ля Куртино пало. Началась зверская расправа. Офицеры, ворвавшись в лагерь, прикаивали штыками раненым. Особенно свирепствовал поручик Урвачев. Это был настоящий палач, потерявший человеческий облик.

После разгрома лагеря каратели арестовали сотни людей, в том числе и руководителей восстания унтер-офицера Глобу. Когда у Глобы кончились патроны, офицеры набросились на него с обнаженными шашками, но французские солдаты не дали имчинить самосу над Глобой. Они передали его французскому командованию.

О событиях в Ля Куртино узнала вся Франция. Ари Барбос выступил со страстной разоблачительной статьей «Те, которые не укрываются». По стране прокатилась волна протеста.

Али-бен-Рабах говорил, что он лично видел Глобу. Это был человек высокий, красивый. Пышные черные волосы висели у него из-под фуражки. Внешне он был спокоен, только в его глазах постоянно горел огонь тревоги.

Мы распришали Али-бен-Рабаха, что же случилось потом, не знает ли он, где Глоба сейчас.

— Сейчас он в тюрьме. Его как будто бы собираются сослать в Африку.

— А что с другими руководителями? Судили их. Кого отправили на каторгу в Африку, а кого сослали на острова.

— А много ли погибло в Ля Куртино? — По нашим сведениям, около трех тысяч человек. Их хоронят тайком и уничтожают следы могил...

## СОЛИДАРНОСТЬ

— А ну, выходи с вещами! — кричали надсмотрщики.

— В чем дело? Что случилось? — встревожились мы.

Это было в воскресенье, 25 апреля. Мы не спеша вытаскивали свои скудные пожитки и показывали их надзирателям.

— Почините вещь, постирайте! Привести в порядок. Чес через два выйдете в Дузервилль. Мы строили разные догадки, пытались объяснить спешку: парад, что ли, воздушными

устройства?.. А может, от Ленина что-то пришло? Уж очень стараются!..

Через три часа мы шагали по дороге в Дузервилль. На этот раз, как ни странно, нашу команду в сто человек конвоировали всего четыре жандарма. Они были необыкновенно корректны, ни разу никого не толкнули, не ударили, не зворали. Даже улыбались, шутили... Чудеса!

Но чудеса объяснялись просто: вблизи местечка Дузервилль собралось около двух тысяч русских солдат со всех окрестных поместий; оказывается, нас снова решили агитировать!

По словам офицера, вся Сибирь и весь Дальний Восток находились под властью Колчака, на юге и в Украине верховодил Деникин, на севере — англичане.

— Помогите очистить Россию от большевиков! — призывали агитаторы.

— Не выйдет, господа! — гневно выкрикнул Тюрия. — В Африке по нашей вине погибли тысячи русских, а теперь вы смеете предлагать, чтобы мы были солдаты.

Да будьте вы трижды прокляты!

По приказу офицера конвоиры и переводчики бросились искать Тюрия, но он быстро скрылся в солдатской толпе. Особенно усердно переводчику солдаты так намяли бока, что тот едва вырвался из строя.

Атмосфера накалялась.

— Самоочи! Вы продрались иностранцам! — Предатели! Вын отсюда!

Через десять минут офицеры укатили на автомобилях, а мы еще долго не раскрывались, хотя жандармы поторпавали нас.

В апреле 1919 года мы уже не были покормными солдатами, многие из нас поняли, что за свою жизнь надо бороться, самим искать путь к свободе.

Однажды в поместье, где мы работали, пришли железнодорожники — француз и алжирец.

— Товарищи! — обратился к нам француз. — Наступает международный праздник трудящихся Первого мая. Нас прислали к вам коллектив железнодорожников линии Сук-Атрас — Бон. Мы предлагаем присоединиться к нам. Объявим Первого мая нерабочим днем!..

Предложение встретили бурным одобрением. Когда возбудились угелесты, мы заявили:

— Все, как один! И не сомневайтесь даже... Утром Первого мая, ровно в пять часов, как всегда, раздался ненавистный звук колокола, поднимавший нас на работу. Сначала мы вскопчили, как автоматы, но, опоминувшись, снова угелестис. Однако заснуть не удалось. Явился управляющий с пятью жандармами. Один из них поднял плетку и хотел ударить солдата, лежавшего около двери.

— Не трожи! — подоскочил к нему Волокитин и, легко согнув руку жандарма, вырвал плетку и выбросил за дверь. — А теперь прошу говорить, зачем пожаловали.

Управляющий попытался к двери и во весь дух припустился в именне. Ушли и жандармы.



Мы поднялись, не спеша умылись, многие начали бриться. Так же и не спеша стали готовить завтрак.

Через два часа, как мы и ожидали, появился целый отряд жандармов. Нам приказали строиться, но мы не двигались с места. Командир отряда — жандармский капитан — вышел из себя и закричал таким высоким фальцетом, что вызвал смех даже у жандармов.

— На катуру улеу? — пригрозил он.  
— С катури и на катуру? Даян жми!  
— Кто зачинщик? — не унимался жандарм. — Пять шагов вперед!

Все мы, четко отбивая шаг, двинулись с места.

— Большевик! — зарвал офицер. Управляющий подал ему список, и он стал выкрикивать фамилии. Волокитин, Власов, Тюрин, Свицов, а я еще двое вышли из строя. — Это и есть зачинщики, мые капитан, — подсказала управляющий. — Судить их надо.

Вдруг вперед выступил пожилой солдат, неторопливо подошел к капитану, вежливо поздоровался и так же вежливо, но решительно в тотном сказал:  
— Мые капитан! Намш товарищей мы не отпустим. Если хотите пролить кровь, начинайте. Вас двадцать человек, нас — сто... Подумайте, пока не поздно. — И не спеша удалился. Капитан победлен и приказал окружить нас. Мы не сопротивлялись. Через десять ми-

нут вся команда со своими пожитками шагала к Дуэриэлю. В шести километрах от местечка нас остановили.

— Спать обуви! — последовал приказ. Только под утро мы повалили все чудовищность этого приказа жандарма. На ночлег он остановил боюю команду в кололчих зарослях, которые кишели всякими гадами. На рассвете нас поднял душераздирающий крик. Трое солдат хорчились в предсмертных муках. Вокруг нас змеи, ступить некуда! Объятые ужасом, солдаты стали мешками отгонять гадов. Пока мы возлизи со змеями, трое товарищей умерли...

Все себя от гнева мы бросились к жандармам, но те уже вытащили пулеметы.  
— Как есть звери! — потрассал кулаками солдат.

Под дулами пулеметов мы вышли к железнодорожной линии Бон — Сук-Ахрас. На каком-то полустанке нас погрузили в два товарных вагона, прицепили к пассажирскому поезду и привезли в поместь колониста Сарда. Это помещик прославился своей жестокостью по всему африканскому побережью.  
— Не подем к Сарду! — заявили мы жандармам. — Хоть стреляйте!

Капитан побежал к стационному зданию звонить о случившемся командованию. Через пятнадцать минут последовало распоряжение снова погрузиться в вагоны.

## НАКАЗАНИЕ

Утром следующего дня нас разбудила зыч-ная команда:  
— Выходи!

Вышли мы из вагонов и... не поверили глазам своим: кругом горы! Накануне же, что теперь мы будем работать высоко в горах, в лесу.

Шли узкими тропами, по краю обрывов. Под ногами шуршали камни, иногда они срывались, уносясь за собой комьями земли, которую с грохотом завалакивали красноватой пылью бездонную глубину ущелий. Подъем длился одиннадцать часов. Наконец мы вскарабкались на сравнительно ровную площадку.

— Рубите деревья, устранийте пожелдевшие приказы командир отряда жандармов. — Быстро!

Но мы не то что дерево срубить, ветку сломать не могли. Поевались и заснули мертвым сном.

В этих горах росло пробковое дерево. Мы должны были добывать кору, а оленные стволы пережигать на уголь. Так мы стали рабами трех арендаторов лесных массивов Французской Африки. Они купили нас у прежних хозяев.

Работа была изумительная. Очищенный от пробковой коры ствол вывозили в овраг, где круглые ступи горел костер. Через два дня мы стали черные нерог — мылом нас не баловали.  
— Прямо из преисподней! — мрачно шептал Свицов.

Прошло четыре месяца. Август был на исходе. Однажды утром нам не выдали хлеба.

— Почему? — спросил мы командира жандармов.

— Ничего с вами не случится. Выходной сегодня. — И захохотал, двольный собственной острогрой.

— Хорошо, — заявили мы, — если выходной, на работу не идем.

Жандармы стали объяснять, что мулы уста-ли, поэтому хлеб вовремя не доставили.

— Мулы устали, а мы нет! Без хлеба и пальцем не пошевельем!

На следующее утро — та же история. Когда жандармы свалились за шивороты, чтобы заставить нас работать, мы бросились на них с кирками, лопатами, ломом. Жандармы запро-силы пощады.

— Если вы немедленно не выведете нас из этой мышеловки, ни один из вас не останется в живых, — предупредили мы жандармов. Командир предложил послать варочного на станцию, чтобы узнать о причине задержки хлеба. Мы согласились. Но вместо хлеба при-был крупный отряд жандармов. Доворничность паша, как говорится, вышла нам боком. Нас под коновым быстрым маршем погнали вниз.

Это был страшный путь. Подниматься в го-ру, карабкаться по откосам было значительно легче и не так опасно. Куда нас вели — никто не знал. «Скорей! Скорей!» Крутой спуск и эти откосы — пречью ларом десять человек сорвались в пропасть и погибли.

Наконец внизу блеснули железнодорожные рельсы. Нам уже подожидали вагоны. Через час их прицепили к прохладному поезду, и мы снова покатали в неизвестность.  
Жутко было смотреть на наши лица, руки, одежды. Черные, обворованные, изможденные, многие совсем седые, кто самому старшему было, кажется, лет тридцать шесть. Тот пожи-лый солдат, который спеш нас, семерх «зачин-щик» перомойской забастовки, погиб в го-рах, сорвавшись в пропасть.

Высадили нас на станции Дреа. Теперь мы по шестнадцати часов в сутки прокладывали тоннель — добили горы кирками, взрывали динамитом и отвозили камни в ручных тачках. Жара далавала и грядости духа тучи, жоско-шеть было нечем, пот катил с нас градом. Ра-бота на плантациях теперь казалась нам лег-ким делом.

За солидарность с французскими и алжир-скими железнодорожниками в дни перомой-ского призыва французские власти жестоко отпустили нам. И все-таки это не испугало нас, мы продолжали укреплять связи с мест-ным населением.

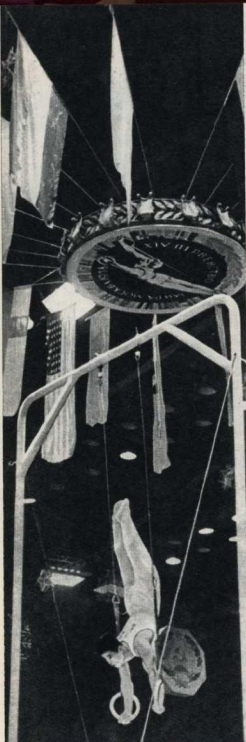
(Окончание следует)



## ТРИУМФ ЛОВКОСТИ,



## СИЛЫ, ИЗЯЩЕСТВА



Японский гимнаст Синсакэ Цукаваки.

Они оказались сильнейшими. На пьедестале почета Борис Шахлин (1), Танаки Оно (2) и Юрй Титов.



— Мне доводилось присутствовать на многих чемпионатах мира по гимнастике, и я могу без преувеличения сказать, что московское состязание — одно из самых замечательных, — заявила корреспонденту «Смены» президент Международной Федерации гимнастики Шарль Тоэн. И действительно: лучшие гимнасты двадцати двух стран продемонстрировали на XIV чемпионате высокое спортивное мастерство. Это был подлинный триумф ловкости, силы и изящества. Большинство выступлений отличалось virtuозной техникой.

В напряженном единоробстве с гимнастами международного класса блестящую победу одержали советские спортсмены. Они завоевали командное первенство мира, а двое из них — Борис Шахлин и Лариса Латынина — удостоены почетного титула абсолютных чемпионов мира.

На с и м в к а х: 1. Обычная сцена на чемпионате: корреспонденты осаждают Мари Кутерс, приехавшую в Москву из Африки. 2. Японский судья Т. Кюндэ «боится» за своих соотечественников. 3. Выступает Альберт Азарин. 4. Эристинна Расселл, представительница Канады, во время перерыва. 5. Киевлянин Борис Шахлин стал первым гимнастом мира. 6. Между зрителем Павловым и американским гимнастом Гроссфельдом и Тонри завязалась оживленная беседа. 7. Врач чехословацкой команды В. Боснак в восторге: его жена Ева Боснакова завоевала звание чемпионки мира. 8. А. это чемпионка Франции Д. Кулон-Сико. 9. Один из иностранных корреспондентов.

Фотокорреспондент М. Муразова.

Состязание гимнастов было пронизано духом товарищества и друими. На с с и м в к а х абсолютный чемпионка мира по гимнастике Лариса Латынина и шведская спортсменка Борит Иенссон попросили сфотографировать их вместе.



Все это изготовлено из янтара.

## На янтарном берегу

Этот небольшой поселок раскинулся на самом берегу Балтийского моря. Морю здесь редко бывает спокойным, но, как ни странно, чем оно беспорядочнее, тем больше радуются жители поселка. Объясняется это просто: во время шторма море щедро выбрасывает на берег свои дары — прозрачные, словно чистые слезинки самородки янтара. И жители, как только услышат шум, собирают эти дары моря. Поэтому-то и назвали поселок Янтарином.

освоить и повести наиболее серьезной участок работы, где, кроме мастера, нужен и острый глаз и хороший вкус.

Один из них, Алексей Попов, теперь стал воспитателем единственной в стране школы ФОО, готовящей кадры для комбината.

У Попова уже много учеников, а среди них немало местных парней и девушек. Раньше у них были самые различные профессии. Вера Годурская и Инга Антонова, например, после десятилетий работы в колхозе, но девушки хорошо рисовали и унава о школе ФОО, потрудились и новому, возмужевшему их делу; Зоя Сергеева сообразила стать воспитательницей, а стала тамергером; Илья Мачедов до прихода на комбинат работал художником в клубе...

Но нашему увлекательна, интересна, но в же

время и сложна работа на комбинате.

Художественная резьба, например — дело еще более трудное, чем рисунок. Перелом там — два пальца правой руки, дорожку минерала ученик несколько раз летит в урны речей. Тогда и наступит самое интересное испытание, которое покажет, сможет ли он быть художником-мастером. Ведь он не просто должен повторить модель, а создавать и что-то свое новое. Зоя Сергеева до сих пор помнит, как она сделала первую работу — «Голубь». Птица сидела на глыбе, словно готовилась и полету. Наконец, она пробила силу ыральев: вступил — и сорвался с красно-бурого обломка — улетит в голубую высь. Пропорции были строго выдержаны, линии изящны. Но Зоя осталась недовольна, и вот это, пожалуй, больше всего понравилось тогда мастеру, девушка продолжала совершенствовать работу, пока не нашла точного положения своего хвостышка.

Но не только от художников зависит высокое качество изделия: ведь художники изготовляют лишь первые образцы, а когда начинается массовое производство, все решает уже мастерство и умение рабочих комбината. Коллектив комбината в основном состоит из молодежи. И, наверное, поэтому здесь так много талантов, творят и спорят о будущем. А будущее у комбината большое — скоро бурлящие волны захлестнут в море, где залезли янтари ево баты. И добывать его будет столько, сколько не добывают на всех заводах промышленного шара.

Н. ФОМИЧЕВ

Рисунки В. Борисовского.



Первая страница обложки: Строительство Метро-моста (см. очерки на В-8 стр.). Фото Ю. Босова.

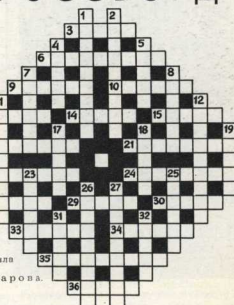
Четвертая страница обложки: Национальный коллектив пермского Дворца культуры имени И. В. Сталина исполняет уральскую наряды.

## Устный выпуск ЖУРНАЛА «СМЕНА»

В День советской молодежи в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького состоялось выступление авторского актива журнала «Смена» с молодежью столицы. Оноло двух тысяч москвичей собралось возле центральной эстрады. Павел Иосифович, начавший печататься в журнале 25 лет назад, и молодые поэты Владимир Туркин и Эдмунд Ионкович прочитали свои новые стихи. С большим интересом было выслушано выступление Василия Адаматского о его встречах на молодежных фестивалях в

Праге, Будапеште, Берлине, Варшаве, Вильнюсе и Москве. Иван Лажутин, автор повести «Сражение млиндов», рассказал о том, как была задумана и содана его книга. Теллу встретили слушатели Наталья Дурова, автора микс-расказа о животных, Фотокорреспондент Александр Уляин, недавно вернувшийся на поездку по Сибири, рассказал о поразивших его колоссальных изменениях в жизни нашей страны за последние годы. Интересным и волнованным было выступление молодой иконописницы Зинаиды Юриной, исполнившей роль Натальи в фильме «Тихий Дон». Комментаторы Леонид Демьянов и Владимир Шпанский исполнили новые песни.

## КРЕССВОРД



Составила А. Комиссарова.

По горизонтали:

3. Специализированная организация хозяйства в колхозах и совхозах.
6. Струнный музыкальный инструмент.
8. Советский писатель, автор романа «Электрический остров».
10. Государственный Берен.
13. знаменитый французский портретист XIX века.
14. Озеро Таямырском национальном округе.
15. Портовый рабочий.
20. Советский материал, идущий на дефицитную отделку автомобилей.
21. Общественное, союз.
22. Краткое изложение содержания книги.
24. Электромагнитный прибор для получения быстрых заряженных частиц.
28. Тяжелая смола, идущая на приготовление лаков.
30. Магнетическое название одного из металлов.
30. Советский скульптор.
35. Рудничный породо с разнообразными листьями, растущие в Южном Урале.
36. Поэт на реке Енисее.
35. Защитное приспособление

органов. 30. Воинский охоты в доверительности.

По вертикали:

1. Ветер, дующий на восток юралою.
2. Славя металл с ртутью.
4. Скватва бела в боксе.
5. Часть механического механизма.
7. Грузинский волюн-стор писателя и народная игра.
8. Сильное жарычкое вещество.
11. Великий русский ученый.
12. Металочная точность.
16. Американский художник XIX века.
17. Река на Дальнем Востоке.
18. Юный материал, замещающий линолеум.
19. Советский изобретательный комбинатор.
23. Музыкальный инструмент.
25. Женская единица Вольты.
26. Измельченное соединение углерода и водорода, находящееся в нефти.
32. Столица в реке Енисее.
34. Республика в составе Российской Федерации.

Главный редактор М. А. Величко.

Формулы В. Урина.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — 3-34-24. Отдел — рабочей молодежи, литературы и искусства — Д-3-31-68, студенческой молодежи — Д-3-35-24, очерки и публицистики, физкультуры и спорта, информация — Д-3-36-90, писем — Д-3-31-69, оформления, иллюстрации — Д-3-34-22.

А 03541. Подписано и печатно 30/VI 1958 г. Тираж 450 000 экз.

Рукописи не возвращаются.

Изд. № 891. Заглав № 1692. Формат бумаги 70x108%. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.



## МУХА НА ТРАКТОРЕ

На трактор сев  
И лопкой чистил нос.  
Подругам отчитал Муха на вопрос:  
«Вы говорите: «Гра была!»  
А вы не знали!.. «Ведь мы пахали!»  
Читатели удивятся: что тут ново?  
Такая бася есть у лядушки  
Там Муха на Воле, а здесь на  
трактор севала...  
Но Муха та же, в этом-то и дело.  
А. Ненько



Рис. Е. Шунаева.

— Летчик устраивать не будем; я их контролировать не могу...



## Сергей Иванов ДЯДЯ И ПЛЕМЯНИЦА

Басня  
— Ну как, Племянница, дела?  
— Давненько у меня ты не была!  
— Да, Дядя, «на отличном» госзаказе  
ряд за тобой... Ко мне что приехали?  
— Да вот направили в... садла!  
— Что же лучше?... само...  
— Лучшее бы осталось, Дядя, тут?  
Культура здесь по мне, подститут,  
А там ни ванни нет, ни газа нет...  
— Так, так. А знаешь ты сам правая?  
— Заполнить их совсем не трудно!  
Я их могу по пальцам помянуть.  
Их пята: по палецам помню.  
На отдых и на труд, образованье и  
в старости — обеспеченье и  
И это все! — лещень  
— Я изучала даже «Юдекс о труде»,  
чтоб защищать права свои в суде.  
— Довольно! Знаешь ты права, в винку,  
Помощь тебе я все же не смогу, дружок.  
Да про обязанности, милня, забывай.  
Московской области.



Рис. В. Соловьева.

— Что, представляешь?  
— Нет, проясниваю...

Рис. А. Врундовского.



— Запомните первую заповедь:  
сначала уплатите членские взносы,  
а уж потом ставьте магарыч мастера.

Карел Чапек

## Самые короткие басни

### Волк и козы

Заключи договор на твердой  
экономической основе: я не буду  
есть травы, а вы добровольно от-  
дадите мне ваше мясо.

### Лиса

Все живое делится на три кате-  
гории: враги, соперники и добыча.

### Волк

Мир — это значит, что никто не  
хочется за волками.

### Стадо овец

Если мы не будем защищаться,  
волк, по крайней мере, быстрый  
насытится.

### Разделение труда

Я присмотрю, как вы работаете,  
а потом вы присмотрите, как я ем.

### Сообщение с театра военных действий

Противник пытался из засады  
обстрелять наш самолет, который  
вирно обстрелял его город.

### Поход

Находясь на марше, мы подогли  
несколько деревьев. Население,  
оставшееся в новьях, устроило на-  
шим войскам восторженный прием.

### Воздушная война

Наши воздушные соединения с  
подвальной успехом бомбарди-  
ровали войска противника. Убиты  
один солдат, семьдесят иванчи и  
сто дедей.

### Колониальная война

Мы обязуем по-отечески опе-  
кать всех, кто останется в немых.

Перевод с чешского.

